

Пароль: «Вечность»

Автор:

Алексей Бобл

Пароль: «Вечность»

Алексей Бобл

Андрей Юрьевич Левицкий

Технотьма #1

Егор Разин – пилот-наемник. Он убивает, потому что за это платят, но теперь пришел его черед умирать. И единственным спасением становится опасный эксперимент, из-за которого он попадает в эпицентр войны с неведомым врагом – некрозом, уничтожающим саму реальность.

«Пароль: "Вечность"» – первый роман фантастического проекта «Технотьма» в жанре «постапокалипсис» от авторов серии «S.T.A.L.K.E.R.».

Андрей Левицкий, Алексей Бобл

Пароль: «Вечность»

Глава 1

Поздней весной небо над Киевом высокое и чистое, с Днепра дует свежий ветер, колышет кроны деревьев на склонах холмов. Посверкивают золотом купола Лавры, и статуя Родины-Матери, в просторечии – Железная Женщина, висится

над городом, похожая на грозную богиню войны.

Таким запомнился мне Киев с тех пор, когда в юности я несколько раз приезжал сюда. Но сейчас все иначе: дым пожарищ застилает небо, деревья повалены, на склонах холмов – воронки. Некоторые из них появились благодаря мне.

В наушниках прозвучало:

– Работаем как обычно?

Под крылом «Су-25» проносились крыши панельных коробок. Справа, над центром города, поднимались клубы дыма, впереди горела Лавра.

– Как обычно, – ответил я ведомому. – Завидуешь?

Шмакин помолчал, обдумывая ответ.

– Развалить мост Патона... – протянул он, и я усмехнулся. – Не каждый день такое бывает, но если...

– Пятнадцать градусов влево, – перебил я.

С крыши высотки по нам открыл огонь крупнокалиберный пулемет. И тут же в кабине пискнула сигнализация: чья-то РЛС пыталась захватить нас в свои сети. Я выстрелил тепловые ловушки, закладывая вираж и снижаясь. Выровняв штурмовик, бросил взгляд через плечо. Ведомый держался в стороне и чуть выше.

Мы летели над правым берегом Днепра, приближаясь к статуе. Ну и страхолюдина! И зачем братья-украинцы изуродовали так свою столицу? Хотя их этой штукой, насколько знаю, осчастливили еще во времена СССР, а тогда народ не очень-то спрашивали, чего он хочет, а чего нет.

Впрочем, судя по происходящему, с тех пор мало что изменилось.

– Работаем. Зенитчики твои. – Я начал набирать высоту.

Дымные трассы снарядов снизу вверх перечеркнули небо. С площадки возле статуи по нам вела огонь зенитка, и Шмакин спикировал на нее.

Внизу у берега мелькнули притопленный земснаряд, баржа, развалины кирпичного завода. Я включил форсаж, пролетел над набережной. Закрутив «бочку», увел машину к городу, чтобы развернуться и сделать заход на мост Патона.

Штурмовик Шмакина вышел из виража над Днепром.

По спине пробежал знакомый холодок, и я завертел головой в поисках опасности. В кабине опять запищала сигнализация.

Предчувствие не обмануло – над горящей Лаврой набирал высоту «Ми-24» национальной гвардии. Вертушка выпустила две ракеты, которые рванулись на сверхзвуке за самолетом Шмакина, и сразу ушла на разворот, пытаясь скрыться в дымной пелене над холмами.

– Катапультируйся! – крикнул я.

В полной уверенности, что ведомый выполнит мою команду, разрядил кассету с тепловыми ловушками и спикировал над мостом.

Конструкция архитектора Патона соединяла два берега. Я вел штурмовик над единственным в мире цельносварным мостом, к которому, по данным разведки, с юго-востока подходили механизированные подразделения национальной гвардии.

Сняв вооружение с предохранителей, вдавил кнопку пуска неуправляемых ракет. Одновременно с ними вниз ушли две фугасные авиабомбы.

Снова форсаж. Набор высоты.

Грохот взрывов догнал самолет. Мост провалился, воды Днепра вскипели вокруг обломков.

Разворачиваясь по пологой дуге над высотками левого берега, я попытался найти ведомого. Его нигде не было, только густой шлейф дыма висел над рекой.

– Серега? – позвал я. – Серега!

Эфир молчал. Конечно, у Шмакина не было шансов спасти машину: от ракет «воздух – воздух», пущенных с близкой дистанции, никакие маневры не спасут. Но почему он не катапультировался? Отказала техника?

Или все же успел? Я пытался высмотреть купол парашюта на фоне зеленых холмов и клубов серого дыма, но не видел его.

А вот раскрашенная в сине-желтые цвета вертушка летела к огромной железной статуе, повторяя маневры Шмакина над правобережьем Киева. Должно быть, она из боевого охранения колонны противника, движущейся к мосту.

Когда мы легли на встречные курсы, я сразу ушел на «мертвую петлю». Кровь прилила к лицу, застучала в висках. В зените сделал «полубочку», свернул к реке. Поймав в прицел «Ми-24», облетающий статую с другой стороны, выстрелил.

В кабине взвыла сигнализация.

Самолет привычно вздрогнул, когда обе управляемые «Р-60» с шипением ушли вперед.

Горите в аду, уроды! Это вам за моего ведомого!

Поворачивая, я не смотрел вперед, мне хотелось видеть, как на Киев упадет сбитая вертушка. Эти, на «Ми-24», убили Серегу! Он был хорошим пилотом и хорошим товарищем. Не другом – у меня вообще нет друзей, – но когда-то в Казахстане Шмакин спас меня. Вернулся и посадил своего «Грача» на плато за минуту до того, как там появились душманы...

Обе ракеты попали в цель, одна угодила в кабину, взрыв другой разрубил хвостовую балку. Но за мгновение до этого вертолетчики, развернув машину, успели дать залп.

Я летел к статуе. В кабине пронзительно запищала сигнализация, и руки сами легли на ручку катапультирования.

Две ракеты сближались с моим самолетом лоб в лоб. Когда я рванул рукоять, сработали пиропатроны и над головой сорвало фонарь. Ремни врезались в плечи, перегрузкой сдавило грудь, и кресло вместе со мной выбросило вверх из кабины.

Самолет мгновенно ушел вперед, и через миг там гроыхнуло. Лицо обдало волной горячего воздуха.

Загоревшийся штурмовик врезался в статую и расколол ей голову. Железная Женщина вздрогнула, но устояла.

Быстро осмотрев купол, я расправил стропы. Бросил взгляд на горящие обломки своего «летающего танка», упавшие к подножию монумента, определил направление ветра и начал снижаться.

Далеко внизу из кустов на набережную выскочили два человека в черных шлемах и серо-зеленых, как и у меня, комбинезонах. Один замахал руками.

Наемники. Я шумно выдохнул – свои! Хорошо, ветер дует в нужную сторону...

Ударившись ногами в асфальт, упал, перекатился на бок и сразу вскочил.

– Не ранен? – спросил подбежавший ко мне черноусый наемник. Лицо его показалось знакомым, хотя изза шлема и больших темных очков трудно было разобрать толком. – Ну ты силен, пилот! Мы с Барцевым видели, как ты вертушку разделал.

– Опанас, валим быстрее! – крикнул второй.

Он опустил на одно колено и поднял автомат, глядя в сторону холмов.

Я отстегнул парашют, сбросив подвесную систему, вытащил из кобуры под мышкой пистолет-пулемет «кедр» и разложил приклад. Статуя, в которую врезался мой самолет, висела над нами – голова расколота, строгое металлическое лицо в черных подпалинах. В трещине выступили края

оплавленной арматуры.

– Куда теперь? – спросил я.

– К Крещатику, там точка сбора, – ответил черноусый Опанас. – Не удержим Киев, армия из нейтралитета вышла. Ты в курсе?

– Ничего не слышал. – Я вынул магазин из пристегнутого к голени подсумка и зарядил «кедр». – Когда?

– Минут с десять как прошла инфа по радио. Сообщение только приняли, тут же связиста нашего гвардейцы подстрелили, и станция вдрызг. Но мы успели узнать: армейские части уже на бульваре Шевченко, там на президентскую гвардию напоролись.

Значит, армия. Третья сила вступила в конфликт... Я нащупал подсумок с гранатами на поясе, открыл клапан.

С армией тягаться бесполезно – задавят быстро, надо валить. Получается, что глава одной из самых крупных украинских партий не рассчитал силы. Он собрал в Киеве ополченцев, разбавил их отрядами наемников и нанял летчиков для проведения «миротворческих мероприятий» в родном государстве, власть над которым очень хотел заполучить. Да не вышло. Премьер-министр ввела чрезвычайное положение, президент отменил его, а сейчас в дело вмешались сохранявшие нейтралитет армейские генералы и заварилась такая каша, что нас бросили на произвол судьбы.

Я стал рассовывать гранаты по карманам.

– А что президент?

– Убит, – сказал Опанас. – Премьер-министр договорилась с генералами. Хотя такой слушок еще прошел, будто это туфта, президент на самом деле в Москву успел свалить и к русским за помощью обратился. Хрен поймешь, правда или брешут.

Ну да, обратился он там или нет, а наш наниматель, потерпевший поражение, уже, наверное, летит на личном самолете куда-нибудь на Мальдивы. Армия скоро сомнет президентскую гвардию. Премьер-министр при поддержке генералов – если только русские вовремя не введут свои войска, проигнорировав протесты Евросоюза, – станет первым диктатором Незалэжной Украины. А нас, ставших ненужными ополченцев с наемниками, просто раздавят, как мошку между двумя ладонями...

Теперь каждый за себя – надо выбираться из этой мясорубки.

Обидно, что мне заплатили только половину обещанной суммы и вторую часть оставшихся денег теперь не видать. А ведь хватило бы покончить наконец со всем этим и открыть свое дело...

– Выбираться надо. – Барцев оглянулся. – На Майдане грузовики ждут.

– Почему на Майдане? – удивился я. – Он же внизу, между холмами. Кто в таком месте сбор устраивает?

Опанас пожал плечами:

– Не знаю, говорят, на Институтской сейчас еще опасней, а с другой стороны...

Он не договорил – присел, дернув меня за рукав, когда с холма за статуей донесся шум мотора, а следом беспорядочная стрельба.

– Уходим, пилот, быстро.

Опанас побежал обратно в кусты, я за ним. За спиной хрустнули ветки, когда Барцев вломился следом.

* * *

Из окон здания Кабинета министров на улице Январского Восстания работали снайперы, пришлось делать большой крюк.

Опанас оказался разговорчивым мужиком, поведал, что родом из запорожских казаков, а Барцев откуда-то из-под Винницы, служил там прапорщиком в мотострелковой бригаде, прежде чем подался в наемники. Еще черноусый рассказал, что на Майдане сколачивают колонну из грузовиков, которая всех оставшихся в живых наемников должна вывезти в лагерь, наскоро разбитый в одном заброшенном колхозе под Броварами. Там же на бывшем колхозном поле устроили аэродром. Когда он заговорил про это, я и вспомнил, что видел Опанаса на том самом аэродроме, когда украинский конфликт только разгорался и мы прилетели сюда. Взвод наемников, где служил Опанас, прислали охранять наши самолеты, ими еще командовал седой сержант из Донецка... Как же его звали?

Вспомнить имя не удалось: двигаясь по бульвару Леси Украинки, мы нарвались на группу гвардейцев, засевших в одном из домов. Пришлось поворачивать на Госпитальную – название улицы я сумел прочесть на покосившейся табличке, висящей на стене магазина с выбитой витриной и трупом в распахнутых дверях. Гвардейцы попытались нас преследовать, хотели, наверное, взять живыми. Я бросил в них две гранаты и израсходовал почти весь боекомплект, прикрывая отходящих к Дворцу спорта Опанаса с Барцевым.

Догнал наемников у площади Льва Толстого. Мы успели добежать до Крещатика, когда совсем рядом гроыхнуло. Не знаю, что там взорвалось, – может, выстрелили управляемой ракетой?

Мы присели за мусорным баком, и Опанас сказал:

– Вон, видите, домина с лепниной на крыше? Это рынок крытый, Бессарабским называют.

Огонь быстро исчез, ветер унес дым, и стало ясно, что по зданию отработали термобарическим боеприпасом.

– Ох ты! – Барцев машинально потрогал свой черный шлем. – Как по крыше ему засадили... Чья это вертушка была? Вон она, за дома полетела.

– Не знаю, – сказал я. – В нацгвардии таких машин вроде нет.

Запах гари висел над Крещатиком, лучи вечернего солнца едва пробивались сквозь дым. Улица, изрытая воронками, между которыми стояли брошенные машины и лежали тела, напоминала сцену из фильма-катастрофы. Перебегая от укрытия к укрытию, мы спешили дальше к точке сбора на Майдане Незалежности. Все трое тяжело дышали, и я тяжелее всех – не привык таскать бронезилет. Его я снял с убитого ополченца, когда пробирались по бульвару Леси Украинки. Спина болела после катапультирования, хотелось швырнуть броник на землю и посильнее пнуть ногой, но бежать осталось недалеко, лучше потерпеть.

Мой комбез был порван на плече; солнцезащитное стекло треснуло, пришлось сдвинуть его на шлем. Проверил магазин – всего шесть патронов.

Со стороны оставшегося позади бульвара Тараса Шевченко донесся звук автоматных очередей, потом громыхнули взрывы.

– Опанас, прикрывай, – сказал я. – Барцев, давай к тому киоску.

Закусив черный ус, Опанас привстал и повел из стороны в сторону стволом АК. Мы с Барцевым побежали по тротуару к газетному киоску с сорванной взрывом крышей. До него оставалось метров десять, когда по нам выстрелил снайпер.

Я понял, что он прячется в здании на другой стороне улицы, потому что за мгновение до этого что-то такое ощутил, как тогда, в кабине, перед тем как сбили Серегу, – будто ледяным ветром дунуло оттуда. Но предупредить Барцева не смог. Он двигался ближе к проезжей части, потому снайпер выбрал целью его. Пуля пробила шлем, и наемник без вскрика повалился на асфальт.

Сзади застучал автомат Опанаса. Я прыгнул в сторону, скатился с поребрика и оказался за черным «мерседесом» с мертвецом в кабине.

Пуля ударила в машину. Я сел, прижавшись к ней спиной, и увидел на тротуаре неподвижное тело в серо-зеленом пятнистом комбезе.

Машинально похлопал себя по карманам, но гранат не было. Хотя если бы они и остались... Ясно, где прячется снайпер: в здании... кажется, местной администрации... точно, столичной мэрии. Верхняя часть обвалилась, но три этажа целы, и он засел где-то там. Я не смог бы попасть гранатой в окно с

такого расстояния, да и как определить, куда именно бросать?

Выстрелы на бульваре Шевченко стали громче. Похоже, армия давит всех без разбора: ополченцев с наемниками, гвардейцев... Как быстро военные доберутся до Крещатика? Судя по всему, гвардейцы сдерживают их примерно в квартале отсюда, у памятника Ленину напротив Бессарабского рынка, но надолго их не хватит. Смяв гвардейцев, вояки примутся за нас. Надо бежать к Майдану, где, возможно, еще дожидаются грузовики, которые прислали, чтобы забрать остатки отрядов ополченцев и наемников. Но как высунуться, если на другой стороне караулит снайпер?

Опанас выглянул из-за бака и сделал непонятный жест.

– Что?! – крикнул я.

Звуки выстрелов и взрывы мешали нам расслышать друг друга. Он отпрянул, когда в бак ударила пуля.

Я отщелкнул магазин, постучал пальцем по зеленой гильзе верхнего патрона... Пять внутри, один в стволе. И всё, больше вообще ничего нет.

Опанас вдруг дал очередь в мою сторону. Пули застучали по кузову «мерседеса», подбираясь ко мне, я вскинул «кедр», не понимая, что происходит, а черноусый приподнялся, подавая отчаянные знаки... И тогда в его правое плечо у самого края бронежилета попала пуля. Опанас свалился за бак, еще секунду оттуда торчали его ноги, вторая пуля ударила рядом, отколов кусок асфальта, а потом наемник согнул ноги в коленях и целиком пропал из виду.

Что-то мелькнуло слева. Я развернулся – и здоровенный черный пес прыгнул на меня.

На инструктаже, перед тем как получить полетное задание, крепкий седой сержант из Донецка, тот самый, который командовал взводом охраны аэродрома, долго втолковывал нам, как разобраться с псом-убийцей, если собьют и останешься без боеприпасов. Нас предупредили, что гвардейцы используют специально обученных волкодавов, но мы, летчики, слабо верили в такую встречу. И вот – свезло.

Пес прыгнул на меня, опрокинул на бок. Не успев развернуть пистолет-пулемет, я врезал зверю прикладом по морде. Крупные сильные челюсти сомкнулись на запястье, защищенном длинной перчаткой. Я вскрикнул. И ударил широким армейским ножом.

Сержант говорил, что бить лучше всего в мягкое место под нижней челюстью и сразу проворачивать нож, разрывая гортань, но я попал между челюстями сбоку. Клинок глухо скрежетнул, зацепив кость, прорезал мясо и сухожилия. Пес клацнул когтями по бронежилету у меня на груди, дергаясь, суча лапами. Я надавил, провернул нож – он почти до рукояти ушел в собачью голову. Пес хрипло тьякнул и сдох.

Спихнув его с себя, я кое-как сел и сунул магазин в приемник. Опанаса видно не было. Скорее всего, он сидел за баком в той же позе, что и я, и перетягивал жгутом плечо.

А вот Барцев лежал на том же месте. Он спас мне жизнь ценой своей. И Опанас ранен тоже из-за меня, ведь он хотел предупредить о псе, которого заметил раньше, стрелял в него, за что и получил пулю в плечо. Как ему теперь добраться до Майдана, где ждут грузовики?

Если еще ждут.

Хозяин пса – наверняка тот снайпер. Я привстал и сразу упал обратно, когда над шлемом свистнула пуля.

Асфальт взломан почти по всему Крещатику, здесь полно обгоревших машин и воронок, неподалеку стоит киоск с сорванной взрывом крышей – но ни к одному укрытию не перебежать, если снайпер специально пасет нас.

С бульвара Шевченко выстрелили из гранатомета: белая дымовая струя пронеслась мимо памятника Ленину, пятнистого от копоти и с отбитой головой, пересекла улицу и воткнулась в здание Бессарабского рынка. Грохот покотился по Крещатику, со стены рынка посыпались камни. Армия все ближе, еще минута – и сопротивлению у памятника конец, а после и нам. Что делать? Как выбраться отсюда?

Из-за бака высунулся Опанас. Увидев, что я жив, он кивнул и опять спрятался.

Я встал на колени, низко пригнувшись, посмотрел в кабину сквозь дыру на месте выбитой дверцы. «Мерседес» выглядел получше большинства других машин на улице. Багажник помят, фары разбиты, одной дверцы нет, но в целом тачка казалась на удивление целой в сравнении с обугленными остовами вокруг.

За рулем сидел толстый мужик в костюме, белой рубашке и галстуке. Мертвый. Наверное, водитель одного из депутатов или какого-то важного чиновника, привезший патрона в мэрию на очередное заседание Чрезвычайного комитета и на свою беду оставшийся ждать его, когда центр Киева неожиданно атаковала национальная гвардия.

Ключа зажигания в замке не было. Передвинув «кедр» за спину, я подполз к водителю и стал ощупывать его пиджак. В левом кармане ничего, в правом тоже. Я сунул руку под пиджак и полез во внутренний карман.

Раздался глухой звук, будто молотком стукнули по подушке. Труп дернулся и тут же еще раз... Снайпер заметил меня и попытался подстрелить сквозь разбитое окошко второй дверцы. Хорошо хоть сама дверца на месте, а не выворочена взрывом, как та, что справа.

Значит, стрелок на первом этаже. Максимум на втором – с третьего он так стрелять не смог бы, угол слишком большой. Хреновая у него позиция, снайперы обычно высоко сидят, да к тому же баррикадируются... Или он полный лох в своем деле – среди гвардейцев вряд ли сыщется и пара профессионалов, а иначе мы бы не добрались до Крещатика, – или у него есть причины прятаться именно на нижних этажах.

Того, что мне было нужно, не оказалось и во внутреннем кармане. Тело водителя снова дернулось. И еще раз. Кровь текла по его груди и животу, белая рубашка стала темной. Я кое-как впихнул руку в карман черных брюк, нащупал гладкий пластик – и вытащил ключ вместе с овальной коробочкой сигналки.

С трудом развернувшись и просунув ногу под руль, вставил ключ в замок, нажал, повернул. Запищало, на панели зажглась красная спираль, стала белой, погасла. Я крутанул ключ.

Двигатель заурчал и включился.

Пуля врезалась в рулевую колонку, с хрустом пробив ее. Пригнув голову, я рванул рукоять автоматической коробки, ногой надавил на газ и вцепился в баранку. «Мерседес» поехал, тяжело набирая ход, раскачиваясь, шлепая пробитыми крышками по мостовой. Я повернул руль, объезжая остовы микроавтобуса и милицейской машины, и «мерседес» потянуло в сторону, будто на льду. Вплотную приблизиться к мэрии не выйдет – к дверям ведет широкая каменная лестница, – но я все равно утопил газ до предела. В лобовое стекло ударила пуля, и оно покрылось узором трещин с белым пятном в центре. Машина дернулась, налетев на поребрик, и понеслась дальше. В стекло попала вторая пуля, оно осыпалось, в салон ворвался ветер.

В последний миг я опять крутанул руль, и машина левым передним колесом врезалась в нижнюю ступень.

Меня бросило на панель. От удара я до крови прикусил язык. Выбрался наружу и кинулся вверх по ступеням к распахнутым дверям Киевской мэрии.

Сзади стучал автомат – Опанас сообразил, что я затеял, и стрелял над мусорным баком, прикрывая меня. В окне слева от дверей что-то мелькнуло. Я дважды выстрелил туда, запрыгнул на мраморную площадку перед дверями, с разбега упал на спину и ногам вперед въехал в здание.

Человек в бледно-синем, с желтыми разводами комбинезоне стоял на одном колене на куче мусора перед окном и целился в меня из винтовки с оптическим прицелом. Небритый, без шлема и бронежилета, с длинным темным чубом.

Он выстрелил. Все еще скользя на спине, я вдавил спусковой крючок. Его пуля рикошетом ушла от бронежилета, а мои наискось полоснули снайпера по груди. Он отклонился назад, выпустив винтовку, потом качнулся вперед, упал лицом вниз и медленно съехал по груде мусора.

Держась за грудь, я кое-как встал. Сердце колотилось, ныли ребра. Оглядел просторный холл. Обе ведущие наверх лестницы обрушились – вот почему он не поднялся выше. Подойдя к снайперу, я сложил и убрал в кобуру разряженный «кедр», взял винтовку, вытащил из его под сумка два магазина и побежал на улицу.

Теперь стреляли прямо под памятником безголовому Ленину, я видел желто-голубые комбезы гвардейцев и зеленую, с бурыми разводами форму солдат регулярной армии. Все они лежали за брустверами с двух сторон от памятника. Несколько солдат пробирались за кустами сбоку, и гвардейцы их, судя по всему, не видели.

Опанас сидел за баком. Когда я встал над ним, он поднял ко мне смертельно бледное лицо и просипел:

- А я думал... конец пилоту... пристрелили...

Я молча ухватил его за плечи, поднял и потащил в сторону Майдана.

В этот момент военные перешли в атаку и быстро смяли гвардейцев. Мы уже подходили к Майдану, когда нас заметили и открыли огонь. Стрелки? были далеко, между нами стояли машины, дым стелился по Крещатику. Пули взвизгивали вокруг, били в асфальт, в обгорелые остовы автомобилей. Я тяжело дышал, волоча едва ковылявшего Опанаса. Голова его то падала подбородком на бронежилет, то откидывалась назад, он кашлял и все спрашивал:

- Грузовики есть? Есть?

- Есть, - отвечал я, хотя видел: нет.

По словам погибшего Барцева, они должны были ждать нас у большого ступенчатого фонтана, но там лишь зияли воронки взрывов. Я сделал еще несколько шагов и остановился.

- Что? - спросил Опанас. - Почему встали, пилот? Не вижу ни хрена, темно в глазах... К машинам идем!

Слева раздался гудок. Я повернул голову - одинокий грузовик стоял между колоннами, подпиравшими широкий козырек Центрального городского почтамта. Наверное, на открытом месте у фонтана стало опасно, и командир приказал отъехать туда. Но где остальные машины?

- Эй! - донеслось сквозь частый стук выстрелов. - Сюда!

Стоящий на подножке худощавый человек махал рукой. Я поволок Опанаса к почтамту. Военные почему-то начали стрелять в другую сторону – возможно, с площади Льва Толстого появился еще один отряд гвардейцев. Худощавый нырнул в кабину, и вскоре от грузовика к нам бросились двое бойцов в комбинезонах, бронежилетах и шлемах.

Подбежав, они схватили Опанаса под мышки и поволокли к грузовику. Я обогнал их.

Два высотных дома справа от почтамта были полностью разрушены, у третьего проломлена крыша, из дыры валил дым. Мы почти дошли до грузовика, когда тяжелый низкий рокот заглушил звуки боя, начавшегося на Крещатике.

– Чьи это вертушки? – прохрипел Опанас, а потом из-за крыш домов вылетели вертолеты. Массивный грузовой «тандем» с двумя винтами сопровождала пара узконосых «черных крокодилов» с блоками ПТУР на подвеске и пулеметными турелями под кабиной.

Они открыли огонь, и грузовик исчез в яркой вспышке.

Взрывная волна едва не сбила меня с ног, я присел, потом упал на колени. Загрохотал пулемет, полоса разрывов побежала ко мне по асфальту, но вертолет отвалил в сторону, не прекращая стрелять, и она изогнулась дугой, ушла за спину...

Сквозь грохот донесся короткий вскрик.

Я оглянулся.

Увидел три неподвижных тела. Расколотый шлем Опанаса. Кровь, бегущую по черным усам.

И тогда мне стало все равно. Спасения не было – некуда бежать, незачем прятаться.

Не на что надеяться.

Я уже давно ни на что не надеялся. Все шло к этому, другого будущего у меня не было.

Сев, я стянул через голову ремень винтовки, отстегнул кобуру с «кедром» и бросил оружие на асфальт. «Крокодилы» понеслись над Крещатиком, «тандем» опускался посреди Майдана, а из-за домов вылетали все новые вертолеты, и на боках их изгибали шеи двуглавые орлы.

Глава 2

– Ты военный преступник, – произнес мужчина в штатском. – Хотя это слишком громко звучит для обычного наемника, но по закону ты – военный преступник и в качестве такового подлежишь уничтожению.

Сидевший рядом с ним генерал российской армии молчал.

Звякнув наручниками, я откинулся на спинку неудобного, твердого стула. В комнате был низкий потолок с лампочкой под решетчатым колпаком, покрытые бетонной «шубой» стены, железная дверь, стол, за которым в креслах расположились эти двое, и стул, на котором сидел я.

Я облизал рассеченную губу. Заживающая ссадина на скуле зудела, но почесать ее было нельзя – руки скованы за спиной. И обритая прошлым вечером голова, смоченная дешевым одеколоном, тоже чесалась.

– Суд состоялся, приговор вынесен. Тебя расстреляют.

– А был суд? – спросил я. – Наверное, я его случайно пропустил.

Гражданский – сдержанный в движениях, с властным взглядом и сединой в волосах. На столе перед ним лежал черный лэптоп, на экран которого он все время посматривал. Еще у него была манера сжимать левую руку в кулак и потирать подбородок большой золотой печаткой на безымянном пальце.

Генерал – средних лет, молодцеватый и румяный. Глядел на меня с легким презрением, но в целом вполне равнодушно, как на букашку, которую скоро раздавят, после чего о ней не вспомнит ни одна живая душа. А вот у гражданского взгляд был иной: заинтересованный и острый.

– Не помню зала с судьей и свидетелями, – продолжал я, – адвоката, прокурора... Что там еще положено в суде?

Кажется, этим я немного вывел генерала из себя. С того момента, когда конвой ввел меня в комнату, он сидел молча, только кивал иногда, но теперь заговорил:

– Трибунал это был, а не суд. А для тебя и расстрела мало. Сколько жизней у тебя на совести, наемник?

– Не знаю, – честно сказал я. – Я же военный летчик. Пилот, такая у меня работа.

– Пилот-наемник, какая разница? Убивал ты за деньги.

– Все, кого я убил, были солдатами или бандитами. Вооруженные бандформирования, слышали о таких? Если б не я их – они бы меня.

– Да лучше б тебя духи сбили из «стингеров» своих, не тратили бы мы сейчас время. Надо было вас всех прямо там, на Майдане, к стенке поставить, а не везти сюда.

Генерал повернулся к седому:

– Как времена изменились! Раньше наемники эти... ну чистые бандиты, зря, что ль, их душьем прозвали? А теперь вон самолеты у них!

Я криво улыбнулся.

– А ты скольких на смерть отправил? Сколько солдат из-за тебя домой не вернулись из горячих точек к мамкам своим? Взвод, два? Батальон?

Все-таки это был генерал, а не лейтенант какой-нибудь желторотый – он не полез вокруг стола двинуть мне по морде, даже не выругался, лишь бросил

презрительный взгляд.

А седой посмотрел на экран ноутбука и сказал:

– Егор... Редкое имя сейчас. Кто тебя так назвал?

Я пожал плечами:

– В детдоме.

– А фамилия еще интереснее – Разин. О детстве совсем мало сведений... Может, расскажешь нам?

– Не было у меня детства. Детдом, и все дела. Потом летно-военное училище...

– Которое ты не окончил. Так, из характеристики: малоэмоционален, замкнут, неразговорчив, предпочитает роль стороннего наблюдателя, нет друзей... Короче, общительным болтуном тебя не назовешь, а, Разин? Интровертный тип, вот как это в психологии называется. Самодостаточен, себе на уме. До выпуска не дотянул полтора месяца и вместо красного диплома получил два года условно за драку... – седой опять кинул взгляд на экран, – с нанесением тяжких телесных повреждений. Двоим.

– Эти уроды девчонку в машину тянули. Ночью. Школьницу. Платье на ней было порвано, и кричала она. А я в училище шел из увольнительной...

– И один из уродов оказался сыном вице-губернатора края, – продолжал седой. – В результате девушка так и не подала заявления о попытке изнасилования, тебя же выгнали из училища, после чего про Егора Разина долго не было слышно. Почему?

– Да завербовали его! – Генералу явно надоели все эти разговоры. – Наемники ведь как шлюхи со своими сутенерами, которые на них деньги имеют. Завербовали, в лагере каком-нибудь в горах отсиживался, потому и сведений нет. А, Разин? Что, не так было?

Я покачал головой:

– Это ты сутенер, солдат своих под пули ко всяким моджахедам посылаешь. А я сам места выбирал, куда лететь и за кого воевать.

– Солдат Родина посылает! Они за страну свою воюют! А ты... ты за бабки сраные!

– Родина или правительство? А гибнут они за страну или за хозяев страны?

Я мог говорить что думаю, терять мне было нечего – больше одного раза не расстреляют. Вот только зачем этот разговор, к чему тут штатский хрыч, расспросы о детстве, лэптоп на столе? Хотели бы завалить – вывели бы из КПЗ в тюремный дворик, окруженный глухими высокими стенами, да пулю в затылок.

Седой произнес:

– А ты вроде равнодушен к своей судьбе, Разин. Неужели такой смелый? Или такой глупый? Мы ведь не пугаем – тебя и вправду расстрел ждет.

– Не очень я смелый, – сказал я. – Хотя глупый, иначе не сидел бы здесь. Но тут в другом дело: просто все к этому шло.

Он посмотрел на меня с интересом:

– Что именно?

– Судьба моя к этому катилась. К ракете, летящей прямиком в кабину, или вот к такому... Я свыкся уже, что так все закончится. Ну или примерно так.

Седой потер печаткой на пальце подбородок.

– Неужели? Ты же деньги зарабатывал. Зачем тогда?

– Летать люблю. Хотел на острове в Карибском море поселиться и частный аэродром открыть. Был там когда-то... Хорошие места.

– И много заработал? – хмыкнул генерал.

– Туристов возить, – закончил я, проигнорировав его.

– Ясно. – Седой глядел мне прямо в глаза. – А перед тем как в Киев попасть, что ощущал?

– Что это последнее мое дело... Последнее место, куда я попаду. Уже не выберусь оттуда.

– И все же полетел?.. Фаталист. Хотя из Киева таки выбрался. Тебе, впрочем, от этого не легче. – Седой перевел взгляд на лэптоп. – Продолжаем. Что нам тут база данных говорит?.. Второе место в училище по боксу, мастер спорта. Так... Тургай, операция на Медео, Свободная Молдавия... Надо же – и в Крыму был, Бахчисарай бомбил. Теперь вот украинский конфликт...

Он закрыл лэптоп и вопросительно посмотрел на генерала.

– Да ладно, делайте что хотите! – как-то совсем не по-военному, почти что с детской обидой бросил тот. – Мне Илья Андреич наказ дал... Хотя я бы убийцу этого кровавого, будь моя воля, собственноручно... – Он сжал кулак, взмахнул им и отвернулся.

Седой кивнул. Блеснув золотой печаткой, снова потер подбородок, достал мобильник-раскладушку и свел брови над переносицей, что-то прикидывая. Я сидел неподвижно, борясь с желанием развернуться на стуле и почесать скулу об угол спинки.

Седой раскрыл мобильник и в упор посмотрел на меня.

Было в этом человеке что-то магнетическое. Взгляд холодный, властный, гипнотизирующий даже. Вроде бы какой-то штатский стручок, но явно чувствовалось, что из этих двоих главный он и судьба моя зависит сейчас не от генерала.

Я внутренне подобрался. Зуд в скуле мгновенно прошел, и между лопаток пробежала волна озноба. Что-то должно произойти! Подобные предчувствия не раз спасали мне жизнь – я вовремя уходил на вираж или сбрасывал скорость, давил на кнопку, пуская ракету. Вот только не помогли они мне спасти ни

Барцева, ни Опанаса, ни Серегу Шмакина... никого, кроме себя.

– Еще можешь выжить, Разин, – произнес седой, в такт словам постукивая по крышке ноутбука указательным пальцем. – Мне нужен человек для эксперимента. Опасного. Шансы где-то тридцать на семьдесят, что жив и цел останешься. Если согласишься и если выживешь – тебя отпустят. Если откажешься – в расход. Выбирай. У тебя две минуты.

Он ждал, не опуская мобильный. Я открыл рот. Закрыл. Опять собрался задать вопрос – и промолчал. Как оно все неожиданно повернулось! Надо было спросить, что за эксперимент, как долго он продлится и где гарантии, что, если выживу, меня отпустят, а не поставят к стенке... но я и так знал ответы. Вернее, знал, что их не будет. Я пойму, что за эксперимент, только когда он начнется. А про гарантии седой ответит, что их нет. Только его слово... слово человека, даже имени которого я не знаю.

– Почему я? У вас мало «мяса» по тюрьмам и колониям?.. – Я замолчал, вспомнив, как вчера тюремный врач налысо обрил мне голову. Потом конвой притащил в камеру какую-то аппаратуру, пришел узколицый молодой парень в белом халате, явно не из местного персонала. Под халатом костюм, на ногах дорогие туфли, пахло от него хорошим одеколоном. Он нацепил какие-то датчики мне на голову и снял показания. Потом долго хмурился, рассматривая бумажную ленту с закорючками, выползшую из прибора, после чего побежал звонить куда-то.

Внимательно наблюдавший за мной седой кивнул.

– Вспомнил? У тебя необычная динамика изменения амплитуд биопотенциалов мозга. Найти такого человека нелегко.

– Но во мне ничего такого нет. Я никакой не экстрасенс, не телепат. Ничем от остальных людей не отличаюсь.

Он приподнял брови:

– Уверен? У человека с таким отклонением обычно лучше развита интуиция. Как у тебя с интуицией, Разин?

Я моргнул. Интуиция... Он что, про мои предчувствия говорит?

– А зачем вы вообще моего согласия спрашиваете? У смертника? Можете ведь сделать со мной что хотите...

– Мы не частная корпорация, Разин, перед тобой армейский генерал и старший научный сотрудник государственного учреждения сидят. Нам нужно твое согласие, подпись на документе.

– Хотите сказать, если я откажусь, не будет никакого эксперимента? – Я недоверчиво покачал головой.

– А ты не откажешься. Не идиот же ты.

Опять мучительно зачесалась скула. Я задрал плечо, кое-как потер ее. И сказал:

– Ладно, тогда одно условие. Чтоб руки за спиной мне больше не сковывали.

Седой кивнул; нажав на кнопку, поднес телефон к уху. Подождал немного и бросил:

– Мы выходим. Забирайте нас.

Глава 3

Не знаю, где находилась эта база. Меня сначала везли в фургоне для заключенных, потом посадили в самолет, а после мы с двумя хмурыми конвоирами долго ехали в микроавтобусе, окна которого были закрыты железными шторками.

Седой назвался доктором Губертом, но ни имени своего, ни отчества так и не сообщил. Передав меня конвоирам, он исчез и появился вновь уже только в лаборатории, куда мы попали через охранный тамбур с лазерной системой. Красная световая решетка опустилась с потолка к полу, ощупав наши тела, а

после нас заставили раздеться и долго стоять под каким-то ионным душем (так его обозвал сухой голос, прошелестевший в невидимом динамике). Старую одежду я не получил, вместо нее в нише возле душевой кабинки лежали бежевый пластиковый комбинезон и легкие мокасины, тоже из пластика, но более жесткого.

Вскоре выяснилось, что здесь все ходят в такой униформе, только цвета разные – наверное, в зависимости от должности.

Пока те же конвоиры, уже в черных комбезах, с кобурами и дубинками на поясах, вели меня от шлюза в глубь лабораторного комплекса, я пытался разобраться, чем тут занимаются, но ничего толком не понял. Мы прошли несколько пустых помещений и два длинных коридора. В третьем стена справа оказалась прозрачной, за нею открывался зал со стеклянным куполом. Там мерцало изображение Земли в 3D. Вокруг планеты кружились маленькие красные смерчи-спирали, между ними то и дело протягивались тонкие линии, порой такая линия устремлялась к Земле, и тогда внизу вспыхивал красный световой круг, расходящийся по голубому шару планеты. Под голограммой стояли трое и оживленно жестикулировали, тыча вверх пальцами. Один держал дистанционку, нажимал на кнопки и крутил джойстик, отчего смерчи то вращались быстрее, то замедлялись. Когда мы уже почти прошли коридор, между всеми спиралями одновременно протянулись изогнутые и прямые линии, составившие объемную решеткукуб. Она опустилась на планету, накрыв ее. Мигнула. Мне показалось, что шар из голубого стал болотно-зеленым, а очертания континентов как-то уродливо, отталкивающе изменились. Я приостановился, чтобы посмотреть, но один из конвоиров молча толкнул меня в спину, и зал с куполом остался позади.

Мы прошли мимо дверей, на которых был изображен череп с костями, разминулись с двумя учеными, спорившими на ходу. До меня донеслось:

– Нет, онтологическая основа метасистемы одинакова для всех вариантов.

– Но различные исходные параметры могут привести к существенным изменениям конечных условий. Там может отличаться все, от базовых законов до каких-то мельчайших деталей...

Потом был еще один коридор со стеклянной стеной, за которой находилось помещение с круглым столом в центре. На нем, закрепленная на кронштейнах, на боку стояла металлическая полусфера с решеткой на выпуклой стороне и пультом на плоской. Сидящий на высоком табурете человек в белом комбезе и шлеме с прозрачным окошком нажимал на кнопки. Воздух перед решеткой дрожал – казалось, оттуда бьет едва видимый луч какой-то энергии, – а у стены из пластиковой кадучки с водой торчало нечто, что я поначалу принял за кусок светло-коричневого хозяйственного мыла размером с тумбочку. Эта штука, на которую и был направлен луч, мелко дрожала и плавилась, верхушка ее курилась желтоватым дымком, плыла, как лед на сильной жаре, крупные капли стекали в воду.

– Это что такое? – удивился я, показав на «мыло», но не получил ответа.

В конце концов меня привели в светлую комнату, похожую на операционную, посреди которой стояла койка на колесиках, заправленная белоснежной простыней. Один из конвоиров буркнул:

– Раздевайся и ложись.

– Что, эксперимент здесь будет? – спросил я.

– Раздевайся, – повторил он, кивнув на столик возле койки.

Я покачал головой:

– Нет, сначала я хочу поговорить с Губертом.

– Ну, ты! – Второй охранник шагнул ко мне, взявшись за короткую черную дубинку на поясе. – Делай, что сказали.

Раздался голос доктора Губерта:

– Разин, выполняй указания персонала. Сейчас моя помощница снимет твои параметры. Эксперимент начнется немного позже.

Голос лился из динамика где-то под потолком. Я повернулся, задрал голову, увидел глазок видеокамеры в стене над шкафом и посмотрел прямо в нее.

– Я есть хочу. На той базе кормили только перловкой. Никаких экспериментов на пустой желудок, понятно?

После паузы Губерт сказал:

– Я распоряжусь. А теперь разденься и ложись.

Когда я сделал это, появилась молодая женщина в белом комбинезоне, катившая перед собой столик, заваленный всякими инструментами. Она взяла у меня анализ крови из вены, помигала в глаза световым карандашом, померила давление; надел мне на голову металлические обручи с проводами, сняла энцефалограмму.

Из динамика опять раздался голос доктора:

– Сколько еще, Элла?

– Закончила, Леонид Анатольевич. – Она впервые посмотрела мне в глаза и добавила: – Одевайтесь.

Я натянул комбез. Столик, на котором лежали медицинские инструменты, включая пару скальпелей, стоял рядом, но незаметно стянуть что-то оттуда не было возможности: охранники у двери не спускали с меня глаз.

Надев мокасины, я обдумал другой вариант – схватить скальпель, приставить к шее Эллы и командовать конвоирам, чтобы бросили оружие... Нет, тоже не получится. По ним хорошо видно, что они успеют достать пистолеты и открыть огонь прежде, чем я проверну все это, а если не успеют, то мои угрозы перерезать девице горло не помешают им хладнокровно стрелять.

– Михаил, подопытного в столовую номер три, – приказал Губерт. – Там все готово. Пятнадцать минут на обед, потом в центральный зал. Элла, с результатами анализов немедленно ко мне.

Вскоре мы оказались в небольшой опрятной столовой. Здесь все было пластиковым – мебель, панели на стенах, тарелка, блюдце, даже ложка, вилка и нож, поджидающие меня на столике у двери.

– Стой! – Конвоир шагнул к столу и забрал оттуда маленький белый ножик. – Теперь садись. Ешь быстро.

За десять минут я разделался с тушеным мясом, салатом и стаканом апельсинового сока. Вытер губы салфеткой, встал и зевнул, потянувшись:

– Поспать бы сейчас.

Вместо ответа конвоир взял меня за плечо и подтолкнул к двери.

Потом были несколько коридоров, комнаты, тихо переговаривающиеся люди в разноцветных комбинезонах и непонятные приборы. Распахнув очередную дверь, охранник сказал мне:

– Шагай.

Я оказался в небольшом зале с керамической плиткой на стенах. В центре его была слегка приподнятая над полом железная площадка, опоясанная трубой метрового диаметра, то ли из дымчатого стекла, то ли из полупрозрачного пластика. Вокруг вились провода, по углам зала высились массивные емкости, полные бледно-желтой вязкой жидкости, внутри которой то и дело всплывали пузыри.

На краю площадки доктор Губерт, облаченный в ярко-оранжевый комбинезон, рассматривал рулон компьютерной распечатки, которую перед ним держала Элла.

– Как настроение, Разин? – спросил Губерт, не поднимая головы. – Ложись туда.

Посреди площадки на раскладных кронштейнах стояла пластиковая плита-лежак с фиксаторами для рук и ног. На ней черной краской была нарисована восьмерка – или знак бесконечности, это с какой стороны смотреть.

Я не двинулся с места.

- Вначале расскажите, что за эксперимент.

Тут Губерт впервые взглянул на меня.

- Зачем? - спросил он немного удивленно. - Тебе это ничего не даст, абсолютно ничего. А объяснения довольно сложны и займут много времени. Ложись.

- Нет, сначала вы все расскажете.

С легкой досадой доктор кивнул охраннику, стоявшему позади меня:

- Миша, пожалуйста...

Я не успел обернуться - конвоир ткнул меня дубинкой между лопаток.

Что-то подобное я видел у коменданта авиабазы в Казахстане, только та дубинка громко трещала, а разряды выдавала послабее, когда комендант испытывал ее на местных дворнягах.

Меня тряхнуло, ноги подогнулись, и я повалился на пол. В голове будто молния полыхнула. Все потемнело - и когда я опять смог видеть, охранники волокли меня к лежаку из пластика.

Тихо клацнули фиксаторы на запястьях. Зрение прояснилось, и я понял, что два бледных овала - лица склонившихся надо мной доктора и Эллы. Раздались шаги, в поле зрения появился узколицый парень в белом комбезе, с папкой в руках. Тот самый, что приходил ко мне в камеру и снимал какие-то показатели. Губерт, выпрямившись, что-то сказал ему и опять склонился надо мной, упершись рукой в край лежака. Я повернул голову и увидел прямо перед глазами его пальцы и перстень с квадратным черным камешком, украшенным инкрустацией: что-то вроде толстой шестерни, а в ней - человечек. Перевел взгляд обратно на лицо доктора. Губы его зашевелились.

- Егор... - услышал я. - Разин, очнись, ну!

Я моргнул. Зажмурился, открыл глаза.

– Разин, слышишь?

– Слышу, – хрипло сказал я.

– Слушай внимательно, – продолжал Губерт. – Сейчас твое сознание будет ненадолго перемещено в иную среду. Мы используем твой разум как шпионский зонд, понимаешь? Среда может оказаться смертельной или просто враждебной. А может и дружественной. Ты ничего не должен делать, просто наблюдать. Собственно, ты ничего и не сможешь сделать. А мы будем наблюдать за тобой. – Он повел вверх рукой, и я разглядел тонированные окна под потолком зала. – Наблюдать и снимать показания приборов. Все это продлится около минуты. Если получится, если сознание выдержит поток чужеродных сигналов, расскажешь все, что смог понять и запомнить. Все, что увидишь там. А видеть ты будешь, скорее всего, очень странные вещи.

Он выпрямился, и я спросил:

– Минута? А что потом?

– Завтра повторим опыт с иными исходными условиями. Наша задача – добиться корреляции между параметрами, которые мы вводим, и особенностями конечной среды. Грубо говоря, научиться управлять процессом...

– Завтра? – перебил я. – Ты сказал, после эксперимента меня отпустят.

Губерт вышел из поля зрения, его голос донесся слева:

– Конечно. Но ведь я не говорил, сколько будет длиться эксперимент. Он состоит из серии опытов, и это первый из них. Продолжительность всей серии определится в зависимости от того, как сознание будет справляться с воздействием различных конечных сред.

Что-то защелкало, раздался тихий звонок. Передо мной возник ассистент и сказал:

- Постарайся расслабиться. Медитировать никогда не пробовал? Сейчас...

- Заткнись! - выдохнул я. - Губерт! Эй!

- Да, Разин? - На этот раз его голос раздался сзади.

- А что меня ждет в этой конечной среде?

После паузы он откликнулся:

- Вечность.

- А серьезно?

- Я всегда серьезен, Разин. Кстати, это у нас кодовое слово, вроде внутреннего пароля для всех участников эксперимента. Запомни его на случай, если сознание потеряется в конечной среде.

- Что за бред? Губерт, сколько до меня... сколько людей ты раньше отправлял в эти конечные среды?

- Четверых, - откликнулся он после паузы. - Иногда материальное тело целиком проваливается туда вслед за сознанием, иногда нет.

Ассистент ушел. Щелканье стало громче.

- И ни один не выжил?

- Трое мертвы. Насчет четвертого мы не уверены. Хорошо, включайте контроллер виртуальных частиц.

Прозвучали и стихли шаги. Раздался стук. Я не видел, но спинным мозгом почувствовал: дверь в зал закрылась, теперь, кроме меня, здесь никого нет.

Согнув левое запястье и просунув кончики пальцев под рукав комбеза, я коснулся спрятанной там вилки, которую незаметно прихватил в столовой, и

попытался вытащить ее. Пальцы заскользили по гладкому пластику.

Свет в зале начал гаснуть.

Вытащив вилку, я покрепче сжал ее, уперся концом в защелку браслета на запястье и попробовал сдвинуть. Свет пульсировал, по залу сновали тени.

Когда я стянул вилку в столовой, у меня не было никакого плана. Ведь нельзя же, в самом деле, надеяться с помощью этой ерунды разделаться с двумя вооруженными охранниками. Я просто хватался за соломинку, за любую возможность хоть как-то повлиять на ход событий.

Защелка не поддавалась. Жужжание сменил гул, тени метались по залу все быстрее, и вдруг я понял, что они возникают из-за пузырей, которые поднимаются в емкостях по углам помещения. Вязкая жидкость внутри тех двух, что я мог видеть с лежака, светилась, переливаясь блеклыми красками.

Я перестал давить на защелку и попытался поддеть ее. Из-под потолка донесся голос доктора Губерта:

– Базовая онтология загружена?

Его ассистент что-то неразборчиво пробубнил в ответ, и доктор продолжал:

– Хорошо, надеюсь, в этот раз получится и он не повторит судьбу Баграта. Вы должны снять все показания, включая... Почему работают наружные динамики?

В окне под потолком зала я разглядел три силуэта. Один исчез, возник в соседнем окне, раздался треск динамика, щелчок – и голоса смолкли.

Губерт придвинулся ближе к стеклу. Отступил назад. За его спиной прошла Элла.

Тени метались в безумном хороводе. Опясывающая площадку труба начала разгораться призрачным сиянием, внутри нее по кругу неслись темные пятна.

Площадка затряслась.

Защелка браслета откинулась, и тут же вилка, треснув, сломалась. Я высвободил вторую руку, сел и занялся браслетами на ногах.

Гудение стало еще громче, пузыри в емкостях взлетали сплошным потоком, там клокотало и шипело, несущиеся по трубе темные пятна слились в узкие полосы. Я будто попал внутрь какой-то чертовой карусели. Выпрямился. Голова закружилась. Вцепившись в лежак, чтоб не упасть, увидел доктора Губерта, приникшего к тонированному стеклу.

Затрещал динамик, сквозь гудение донесся голос:

– Разин! Разин!

Сжав руку в кулак, я отсалютовал ему.

И зашагал к краю площадки.

– Разин, стой на месте! Мы уже не остановим загрузку новых параметров! Не двигайся, из-за тебя может произойти сбой метасистемы! Разин, стой! Тебя целиком засосет в конечную среду!!!

Идти было тяжело – все вокруг вращалось, площадка тряслась, надсадный гул заполнил помещение. Но все же я медленно шел к трубе.

– Разин, назад!!!

Силуэт за окном исчез. Я шагал дальше, а навстречу катились волны энергии, стремящиеся отбросить меня обратно. Глаза слезились, меня шатало, пришлось нагнуться вперед и сощуриться. На что я рассчитывал? Даже если удастся добраться до двери, даже если она не заперта – что дальше? Лабораторный комплекс большой, здесь полно людей, как я выберусь отсюда? Хотя можно разоружить охранника, взять кого-то в заложники...

Ничему этому не суждено было произойти. Подойдя к трубе, я остановился в изумлении. С этого места стал виден купол, накрывший площадку. Труба была его основанием, он как бы вырастал из нее – большой радужный пузырь, вернее, половина пузыря, тончайшая полусфера. Я разглядел сквозь нее силуэты –

странные, чужеродные, они извивались, перемещаясь с места на место, сливались и распадались.

Я шагнул через трубу.

И тогда мир раскололся. Гул стал ревом, он захлестнул меня и опрокинул на спину. Широкая трещина расщепила пространство. В трещине этой что-то было – огромное тело, не то диск, не то остров... Я не мог понять, видел только, что оно парит высоко над землей, где-то под облаками.

Мир содрогнулся и пропал. Все пропало...

Глава 4

Я лежал на спине, закрыв глаза. Болел затылок, сверху тянуло сквозняком. Воздух прохладный, запахи непривычные. Влажно, душно. Под головой холодный металл.

Шелест. Что это шелестит? Знакомый звук...

Я открыл глаза.

Надо мной был потолок, расколотый широкой трещиной. Сквозь нее лился свет луны, он высвечивал толстые, неровные прутья арматуры, которые накрывали трещину. Между ними в зал свешивалось растение, смахивающее на лиану, покрытое крупными листьями. Оно тихо покачивалось на ветру.

Откуда в лаборатории взялась лиана?

Это была первая мысль.

И вторая: почему на потолке ржавчина?

Я медленно сел. Закружилась голова. Сглотнув, потрогал затылок – крови нет. Упираясь ладонями в пол, привстал и огляделся.

Площадка по-прежнему находилась в центре зала, но зал этот разительно переменялся. На месте двери, через которую меня ввели сюда, зиял пролом. Окна вверху были выбиты. Плитки на стенах потрескались, некоторые откололись. Сама площадка проржавела. Кое-как поднявшись, я оглянулся и шагнул к лежаку, с которого слез... когда? Казалось, всего минуту назад, но почему же он так сильно изменился? Пластиковая обивка потемнела и лопнула, из-под нее вылезло что-то пористое, стойка покосилась.

Что происходит? Вернее – что произошло?

Подойдя к краю площадки, я увидел человеческий скелет, лежащий за трубой. Из дыры в лобной кости торчала короткая стрела со светлым оперением.

Я осторожно сел на трубу, перекинув через нее ноги. И услышал шорох.

В проломе на месте двери возник приземистый силуэт.

Должно быть, сейчас было полнолуние – в трещине я не видел луны, но свет ее, холодный и ясный, хорошо озарял зал. В этом свете возникло четвероногое существо. Один глаз светился красным, другой – мутножелтым. Зрачки напоминали кошачьи, хотя тело больше походило на волчье, а уши были треугольными и с кисточками, как у рыси.

Поняв, что его заметили, этот странный гибрид глухо зафыркал, захрипел и пошел вокруг площадки, медленно приближаясь ко мне.

Ответом ему были далекое хоровое фыркание и утробный вой, донесшиеся сверху.

Я неподвижно сидел на трубе. Гибрид подходил все ближе.

Он прыгнул, когда нас разделяла пара метров. Я упал рядом со скелетом и выдернул стрелу из дырки в черепе.

Существо всеми лапами оттолкнулось от трубы и кинулось на меня. Привстав, я вцепился в его загривок, ткнул стрелой в морду.

Наконечник вошел между клыками, вонзился в гортань. Гибрид взвыл, толкнул меня, опрокинув на спину, но я вывернулся, подмял его, уселся сверху. Он бил лапами, царапая мне бока. Я вдавил стрелу. Что-то хрустнуло, она дрогнула в руке и рывком вошла глубже. Я нажал сильнее, навалился всем телом – и пробил гортань. Гибрид дернулся, оставив на моем боку глубокие царапины.

И умер.

Я моргнул, охваченный внезапным ощущением дежавю, повторения недавних событий – только тогда это был черный пес, в которого я воткнул нож, а теперь какое-то непонятное существо с разноцветными глазами, получившее удар стрелой. Я встал на колени, прижал ладони к вискам, зажмурился и сдавил голову. Быстро заколотилось сердце, волны дрожи побежали по спине.

Передернув плечами, я поднялся. Гибрид лежал неподвижно. Бледное гладкое брюхо без шерсти, длинная морда – не волчья, слишком узкие челюсти, но и не лисья, слишком уж она крупная для лисы. Рысьи уши и кошачьи глаза. Разноцветные. Может, это койот? Их-то я никогда не видел, разве что по телевизору... Да нет, они вроде совсем не такие. Даже мертвой тварь выглядела опасно и зловеще.

Я вытащил окровавленную стрелу из пасти, вытер о шерсть на шее гибрида и присел, заметив сыпь у него на боку. Она сплошной коркой покрыла ребра, тянулась по шее, по лбу и заканчивалась над правым глазом.

Кончиком стрелы – то есть куском заточенной арматуры, проволокой прикрученным к древку с пучком драных перьев на другом конце – я провел по ребрам существа. Покрывающая их корка была твердой, как дерево. На спине глубокие складки – вскоре выяснилось, что под шкурой там нечто вроде сегментированного панциря. Непривычное строение скелета у этой твари...

Я отошел от гибрида, залез на трубу и огляделся.

В зале царил запустение, казалось, что уже много лет ни одна живая душа не была здесь. Повсюду пыль и листья, ржавая площадка усеяна упавшими сверху

сухими веточками. Железные шкафы у стен тоже ржавые, ни осциллографы, ни компьютеры не работают.

Сверху опять донесся приглушенный вой. Необычный звук – волки так никогда не воют, какой-то он слишком уж глухой, мертвенный, будто из могилы.

Я заглянул в пролом, куда свет луны почти не проникал. Подождав, когда глаза привыкнут к темноте, медленно зашагал вперед, выставив перед собой стрелу, но прошел недалеко – потолок впереди был обрушен, путь преградила гора камней. Разбирать завал не было смысла: черт знает, какой он ширины, может, засыпало весь коридор.

Пришлось возвращаться. Я дважды обошел зал и встал посреди площадки, задрал голову. Свет луны лился сквозь арматуру, накрывавшую трещину в потолке. Вверху шелестела листва, иногда я слышал скрип и треск ветвей. Лиана чуть покачивалась на ветерке.

Решетка, возможно, ржавая, и мне удастся сломать один прут. В любом случае, другого пути из зала нет. Выкинув два осциллографа из шкафа, я затащил его на площадку, взгромоздил сверху железную тумбочку и залез на нее. Конец лианы висел на высоте моей головы. Я подергал – вроде крепкая. Ствол сухой и твердый, но листья не увядшие, растение живое. И никакая это не лиана, больше смахивает на виноградную лозу, только очень уж разросшуюся.

Я подпрыгнул, вцепился в нее и полез.

То, что я принял за арматуру, оказалось такими же лозами, стелившимися поверх трещины. Раздвинув их, я очутился на дне кривого оврага с крутыми склонами. Шелестела листва, в небе сияла полная луна, звезды в ее свете поблекли и стали почти не видны. Разглядев округлые плоды между листьями, усеивающими лозу, я сорвал один – это была виноградаина размером чуть больше сливы. Твердая, как яблоко, и очень кислая.

Отплевавшись, я вылез из оврага. Среди деревьев впереди виднелась глухая стена одноэтажного здания, и я пошел к ней, ступая осторожно и тихо.

Стена оказалась кирпичной. Я зашагал вдоль нее, ведя рукой по кладке. Пальцы то и дело попадали на выбоины, какие остаются от выстрелов.

Хотелось пить и еще больше есть. Достигнув угла здания, я повернул. В другой стене было окно с разошедшейся деревянной рамой без стекла. Большую комнату за ним озарял свет, льющийся сквозь дыры в плоской крыше. Кажется, это барак, вон двухъярусные кровати под стеной. Казарма, что ли? Может, лаборатория доктора Губерта занимала нижний уровень какой-то военной базы?

Где я нахожусь? Что со мной произошло?

Где Губерт, Элла, молодой ассистент, конвоиры? Где, в конце концов, весь персонал лаборатории?

Откуда взялось странное существо, гибрид волка, лисицы, рыси и койота?

Что за стрела у меня в руках?

Этот эксперимент... Может, меня забросило в параллельный мир? Я читал о чем-то таком в фантастических книжках – даже наемники иногда читают. Но почему тогда зал остался прежним, просто... постарел?

Постарел! Что, если...

В темноте между деревьями зажглись два мутно-желтых огонька. А потом еще пара, еще и еще – некоторые красные, другие желтые. Раздалось фыркание, сменившееся утробным воем. Зашелестела палая листва.

Я поставил ногу на нижнюю часть рамы, встал в окне и ухватился за жестяной козырек. Он тут же сорвался, но я успел просунуть пальцы в трещину, рассекавшую кирпичную кладку.

Оглянулся. Звери с придушенным хрипом и фырканием бежали ко мне.

Выбоины, дыры и трещины в стене помогли мне быстро забраться наверх. Когда я закинул ноги на крышу, внизу мелькнуло приземистое тело – гибрид вроде того, из зала, прыгнул в окно. Остальные, подвывая и фыркая, засновали у стены. Несколько заскочили внутрь, из барака донеслись шорохи, стук и тьяканье.

В центре крыши что-то лежало, я шагнул ближе и остановился, поняв, что нахожусь здесь не один. На крыше спал человек.

Он лежал, вытянувшись на спине и подложив под голову руку. Я тихо позвал:

- Эй!

Человек не двигался. Хотя поза была такая, будто он спит, а не умер. Крыша на середине была совсем ветхая, так что я опустился на корточки и осторожно поковылял к нему, выставив перед собой стрелу.

Гибриды бегали по бараку и вокруг, фыркали, хрипели. На ходу я повторил:

- Эй, ты! Проснись!

Надвинутая на глаза драная фетровая шляпа почти полностью скрывала лицо. На незнакомце была куртка с большим сальным пятном на груди, короткие, до колен, штаны из светлой кожи и грязные сапоги. Под расстегнутой курткой виднелся широкий ремень с кармашками.

Я обогнул большую дыру, в последний раз повторив: «Проснись!» - и несильно ткнул его стрелой в плечо.

Человек дернулся, и шляпа слетела с его лица.

Я многое повидал в жизни - и все же отпрянул, едва не свалившись в дыру. Это было по-настоящему жутко. Лицо, озаренное холодным светом луны, покрывала крупнозернистая, твердая на вид корка, глаза были неестественно темными. Содрогнувшись, будто испугавшись меня, человек приподнялся, вытянул руку, согнул ее в локте, повел в сторону, словно показывая мне на что-то, и судорожно махнул другой рукой. Он двигался рывками, как сломавшийся автомат.

Я попятился. Что, если он сейчас сядет, повернет ко мне лицо и попытается заговорить?

Человек глухо фыркнул, захрипел, и мурашки побежали у меня по спине. Его губы раздвинулись, натянулась сухая корка в углах рта, наружу высунулся

распухший черный язык.

Незнакомец завыл.

В звуке этом не было ничего – ни боли, ни страдания, там не было даже равнодушия, просто вой, будто он передавал какой-то сигнал. Снизу откликнулась стая.

Голова его стала мотаться из стороны в сторону – все быстрее, быстрее. Руки заколотили по крыше. Вой стих. Человек дернулся еще несколько раз и замер.

Да что же это такое? Я видел тяжело раненных, умирающих, контуженых, бредящих, видел предсмертные судороги и кататонию, но это было что-то совсем другое. Незнакомец будто одержим бесом, который вселился в мертвое тело и пытается поднять его на ноги.

Переведя дух, я уже собрался отойти от неподвижного тела, когда мой взгляд упал на край рукоятки под курткой. Какое-то оружие в кобуре на ремне... да и сам ремень интересно было бы осмотреть, там несколько кармашков, где может быть что-то любопытное.

Стук когтей о пол барака, шелест листьев, хруст веток и глухое фырканье доносились снизу – гибриды сновали вокруг дома, карауля меня. Некоторое время я раздумывал, потом осторожно протянул руку и коснулся широкой пряжки. Я ожидал, что человек вновь задержится, но он оставался неподвижен. Расстегнув пряжку, я потянул ремень на себя, постепенно вытаскивая его из-под куртки. Пришлось повозиться, тем более что я старался как можно меньше касаться одежды мертвеца, но в конце концов ремень оказался у меня, и я на четвереньках отполз подальше от тела.

Луна опустилась ниже и стала бледнее, у горизонта за кронами деревьев возникла едва различимая светлая полоска.

Когда я сел неподалеку от края крыши, вполоборота к незнакомцу, и расстегнул клапан кобуры, рычание и тьяканье смолкли.

В наступившей тишине стал слышен щебет птицы в ветвях. Я вскочил, шагнув к краю, посмотрел вниз.

Гибриды под стеной повернули головы в одну сторону. Затрещали ветки, громко хрустнул сломавшийся ствол – что-то большое перло сюда через заросли. Самый крупный гибрид бросился прочь, и следом, хрипя и сипя, рванули остальные.

Из-за деревьев выбежала здоровенная тварь, отдаленно напоминавшая быка, но слишком уж приземистая, коротконогая и с длинным толстым хвостом. Спину ее покрывала знакомая корка, а больше я ничего разобрать не смог. Двигалась она стремительно. Громко бухая короткими кривыми ногами о землю, пронеслась мимо барака и канула в темноту между деревьями вслед за стаей.

Еще некоторое время звучал треск веток, потом далекое фыркание, придушенный вой – и все смолкло. Я долго сидел на краю крыши, не шевелясь, сжимая в руках пистолет, который достал из кобуры на ремне. Ни один зверь у барака больше не появился. Луна гасла, небо над кронами светлело. А мне все больше хотелось спать. Начался отходняк, организм реагировал на произошедшее ознобом и слабостью, глаза слипались, но, прежде чем заснуть, я все же решил осмотреть пистолет.

За свою жизнь я держал в руках много всякого оружия, но такого еще не видел. Наверное, эту штуку следовало назвать пороховым самострелом: короткий ствол, треснувший на конце, грубая деревянная рукоять, спусковой крючок из скрученной спиралью толстой проволоки, колесцовый замок – колесико и пружина с ключиком.

Он был заряжен картонным патроном с дробью. Сунув самострел обратно в кобуру, я стал проверять кармашки на ремне. В одном оказался никелевый компас, в других – самодельная зажигалка без кремня, табакерка, бумага для самокруток, катушка ниток, завернутая в клочок ткани цыганская игла, карабин-защелка, обрывок железной цепочки, пара крупных деревянных пуговиц. В кожаных петлях сидели семь снаряженных патронов, верхняя часть их была плотно закрыта войлоком.

Я расковырял картонную гильзу, которую достал из ствола – внутри оказались гнутые ржавые винтики, шляпки гвоздей и кусочки железа.

В самом большом кармане обнаружилась плоская фляжка.

Я отвинтил крышку, осторожно понюхал, потом сделал глоток. Какая-то настойка, хотя и не очень крепкая – градусов тридцать, наверно. Ягодная, но вкус незнакомый.

В голове мутилось от усталости. Сделав еще несколько глотков, я закрыл флягу, оглянулся на незнакомца – он лежал неподвижно, – лег на бок и сунул свернутый пояс под голову. Зарядив самострел новым патроном, положил оружие рядом. Хмель ударил в голову, вокруг все плыло и качалось.

Почему зал лаборатории весь проржавел, а пластик лежака разохся? Что это значит – прошли десятки лет? Сотни? Но откуда тогда этот допотопный самострел, да и мертвец одет как охотник века этак из девятнадцатого... Хотя бензиновых зажигалок тогда не было... Нет логики во всем этом, я не могу понять, что происходит, куда меня занесло... А что, если... Додумать я не сумел.

Глава 5

Когда я проснулся, солнце стояло в зените, а человек, лежавший посреди крыши, исчез.

Я не сразу осознал, где нахожусь, что это за твердое и серое подо мной, почему вокруг шелестит листва, а вверху светит солнце. Сел, протирая глаза, огляделся. Вспомнил, что произошло вчера. В первый миг не поверил себе, осмотрелся еще раз. Убедился, что мертвеца на крыше нет, и вскочил.

Куда он делся?! Может, опять начал дергаться да свалился ненароком в дыру?

Но на полу барака мертвеца не оказалось, и вообще, как выяснилось при дневном свете, там не было ничего, кроме остатков двухъярусных кроватей да какого-то неопределенного мусора по углам.

Я представил, как ночью мертвяк ковыляет ко мне, спящему, склоняется надо мной и заглядывает в лицо своими темными глазами, и содрогнулся.

Хлебнув из фляги, сквозь дыру прыгнул в барак. Осмотр его ничего не дал – там не сохранилось ни одной вещи, способной хоть что-то сказать о мире и времени, куда я попал.

Покрепче затянув пряжку ремня и проверив, в порядке ли самострел, я выбрался из здания и быстро пошел между деревьями. Впереди показался двухэтажный кирпичный дом с выбитыми окнами, перед ним была растрескавшаяся бетонная площадка, где росли кусты и трава. Темные окна без стекол, осколки шифера на крыше, большая табличка над дверным проемом без створок. Я заспешил вперед, надеясь прочесть надпись и хоть что-то понять, но, увидев, что буквы начисто стерлись, замедлил шаг.

А потом и вовсе остановился, когда понял, что левая половина здания заросла уже знакомой серой коркой.

– Твою мать... – пробормотал я растерянно.

Такая же корка, как на гибридах и на лице мертвяка с крыши. Она частично покрывала площадку, взбиралась по стене до самой крыши. Корка была и на оконных рамах. Я подозревал, что внутри тоже все затянуто ею.

Она казалась немного темнее и более влажной, чем та, что я видел раньше. Словно жирная плесень, облепившая бетон и кирпич, дерево оконных рам и разбитый шифер крыши.

И траву справа от здания.

Если задуматься – не видел ли я темные лоснящиеся пятна на стволах и земле по дороге от барака? И в бараке на полу, где они почти сливались с бетоном? Просто там плесени было меньше, а здесь начиналась область, почти целиком захваченная ею.

Вдруг возникло ощущение, что я сплю... нет, не сплю, я все еще в эксперименте! Ничего не закончилось, откуда-то с неба за мной наблюдают, и я должен запоминать все странные вещи, происходящие вокруг, чтобы потом описать это доктору Губерту и его ассистентам.

Я мотнул головой. И понял, что возле дома под деревом сидит человек.

Подходить вплотную я не рискнул, остановился метрах в десяти. Незнакомец напоминал того, с крыши, но был в ботинках, а не в сапогах, да и куртка немного другая. Он сидел, привалившись спиной к дереву. Ствол над ним, плечи и голову незнакомца покрывала все та же плесень, лежащая толстым влажным пластом, который изгибался, переходя с дерева на человеческое тело – из-за этого казалось, что они составляют одно целое, вот почему я не сразу его заметил.

Дальше на затянутой плесенью поляне лежал еще один человек. Потом из зарослей появился третий – он прошел между заплесневелыми деревьями, дергаясь из стороны в сторону, то откидываясь назад, то наклоняясь вперед, едва не падая, но все же каким-то образом сохраняя равновесие, размахивая скрюченными руками и качая головой.

Глаза его были темно-карими, почти черными. Даже отсюда я разглядел, что голова, лицо и шея сплошь затянуты плесенью.

Наверное, звери с разноцветными глазами прячутся где-то в глубине этой омертвелой области. Что, если изменение сыпи сопровождается обострение неведомой болезни и в конечном счете усиление паралича? Может, люди для меня не опасны?

Проверять я, конечно, не стал и пошел в другом направлении.

На то, чтобы миновать густые заросли вокруг здания, смахивающего на солдатскую столовую, и еще два барака потребовалось много времени – двигаться пришлось по сложной траектории, обходя захваченные плесенью участки.

Что бы там ни было, я окончательно убедился: это именно военная база, и она много лет как брошена. Судя по растрескавшемуся бетону, проросшим сквозь трещины в асфальте кустам и другим приметам – очень много лет. Скорее уж десятилетий...

По краю базы протянулась ограда из покосившихся бетонных плит. Некоторые попа?дали, и сквозь широкую прореху я выглянул наружу.

База занимала вершину пологого холма, взгляду открылись поросший травой склон и земляная дорога внизу. За ней поле, бурьян с кривыми деревцами, роща, а еще дальше – железнодорожный мост через сухое русло, заросшее кустарником.

Было жарко, по высокому синему небу ползло одинокое облако.

Я оглядел бетонные панели по сторонам от прорехи. Одну покрывали пятна плесени, другая вроде чистая. Я забрался на нее, сунув самострел в кобуру. Балансируя, кое-как выпрямился во весь рост.

Нигде снаружи плесени не было видно, она покрывала лишь вершину холма, во всяком случае, с этой стороны. Такое впечатление, что и другие склоны чистые, то есть зараженная область вполне четко очерчена.

В мире, раскинувшемся вокруг, было нечто одновременно и знакомое, и чуждое мне. Казалось, я попал куда-то в российскую глубинку, но все же присутствовало в окружающем что-то непривычное. А еще от этого с виду безмятежного пейзажа веяло опасностью.

Может, эксперимент и правда не закончился? Может, вилка, которой я откинул защелку, радужный купол, накрывший площадку, и расколовшая мир трещина привиделись мне? То есть это были галлюцинации, вызванные переходом в... конечную среду?

Или вокруг – виртуальная реальность, а я лежу на пластиковой плите, подключенный к компьютеру, который засылает прямо в мозг картины того, что кажется мне реальностью?

В училище мы много тренировались на боевых симуляторах, надев шлемы и сенсорные костюмы. Может эксперимент доктора Губерта быть связанным с виртуальной реальностью? Или все же вокруг нечто другое?

И как, черт побери, определить, что вокруг? Если имитация идеальная – как найти в ней червоточину? Дверцу, ход наружу?

Что там Губерт говорил про кодовое слово, пароль?.. Я ущипнул себя за щеку, подергал за нос, поморгал и произнес:

- Вечность. Вечность!

Хотя это было глупо, но я почти ожидал, что окружающее растает, сменившись словами, сложенными из огромных букв:

НАСТРОЙКИ

УПРАВЛЕНИЕ

СОЗДАТЕЛИ

ВЫХОД

Конечно, ничего такого не произошло. Может, Губерт имел в виду, что пароль нужно произнести в подходящий момент? Или в определенном месте? Или речь шла вообще о другом? Он вроде упомянул, что это просто кодовое слово для всех участников эксперимента...

Что мне надо сделать? Главное: определить, где я нахожусь, и найти путь из этого места.

Подул теплый ветер, я пригнулся, ухватившись за торчащую вверх арматуру, и тогда снизу донесся шум мотора.

Он усиливался. Я сел на ограде спиной к базе, свесив ноги. Из-за рощи на дороге под склоном холма выкатилась необычная машина.

Она напоминала помесь грузовика-дальнобойщика и древнего паровоза. Из трубы над кабиной валил темный дым. Кузов покрывали клепаные листы железа, между ними были просветы для узких окошек, закрытых ставенками. Наверху – круглый люк.

Я соскочил с ограды и побежал по склону, размахивая руками.

Мотор загудел громче, машина поехала быстрее. Изза поворота вылетели два черных мотоцикла.

Перемахнув неглубокую канаву, я выскочил на дорогу.

Раздался выстрел, над одним мотоциклом взлетело облачко дыма, и фургон качнулся. Пуля, кажется, попала в колесо – он накренился, сворачивая к обочине, водитель попытался вывернуть в другую сторону, машина снова качнулась.

Я отскочил назад. Железные ставенки на двух окошках откинулись, наружу высунулись стволы, один повернулся ко мне, другой – в сторону догоняющих мотоциклов. Щелкнули выстрелы, и рядом со мной свистнула пуля.

Фургон несся по самому краю дороги. Стрелявшему в мотоциклы повезло больше – он попал в водителя. Откинувшись назад, тот толкнул человека за спиной, и оба свалились на землю. Мотоцикл, проехав еще немного, упал.

Боковые колеса фургона сорвались в придорожную канаву, машина накренилась, взвыл мотор, и с тяжелым лязгом она перевернулась на бок.

Второй мотоцикл несся прямо на меня. На нем сидели двое бородачей с ружьями, одетые в длинные черные рубахи и брюки-галифе. Второй поднял оружие над плечом водителя и выстрелил. Я присел, пуля пролетела над головой. Когда мотоцикл пронесся мимо, я вскинул самострел и вдавил спусковой крючок.

Ствол у самострела был слишком короткий для такого патрона, порох не успевал сгореть полностью. Оружие грохнуло так, что заложило уши. Отдача бросила меня на землю, из ствола плеснулся язык огня, и дробь изрешетила бок обернувшегося стрелка.

Часть ее досталась водителю. Руль свернуло набок, мотоцикл занесло, и на полном ходу он врезался в днище грузовика.

Наступившая после этого тишина показалась оглушающей. Кулаками я протер глаза от пыли, поднял самострел и медленно зашагал к машине, перезаряжая его.

Один мотоцикл валялся посреди дороги, другой дымил возле фургона. Искрила свеча, выпавшая из гнезда, переднее колесо отлетело, рулевая вилка погнулась, кожаное сиденье валялось в стороне. Бачок от столкновения мог треснуть, как бы горючка не взорвалась... Я остановился. Двое в черном неподвижно лежали рядом с мотоциклом. Наверняка оба мертвы, не выживают после такого выстрела и такого удара.

А что с людьми в фургоне? Там как минимум трое – водитель и те, что палили из кузова. Я обошел машину. Раздался скрежет, потом удар, на землю свалилась сорванная с петель крышка люка. Из машины на четвереньках выполз человек. Выпрямился...

Темные волосы, смуглое лицо с восточными чертами, ссадина на лбу. Худая, среднего роста. Совсем девчонка – лет пятнадцать, наверное. А может, и больше, иногда трудно разобрать.

На девушке были кожаные штаны, жилетка, короткий брезентовый плащ с капюшоном и сапоги.

Она с натугой подняла длинноствольное ружье и попыталась выстрелить в меня. Ружье клацнуло – то ли разряжено, то ли патрон перекосило.

– Эй, эй, стоп! – сказал я, вскинув самострел. – погоди! Я не...

– Не подходи! – крикнула девушка, пятясь. – Ты... симбиот... Не подходи!

– Но я...

– Ты был в некрозе! Не подходи, я сказала! Ты заразишь меня!

Вскочив, она бросилась за фургон, и я побежал следом, чтобы девчонка не успела схватить оружие мотоциклистов.

Из-за машины донесся вскрик.

Выяснилось, что один из бородачей жив. Незаметно пробравшись за кабину, он сбил девушку с ног, вывернул ей руку за спину и схватил за волосы. Когда я оказался там, она стояла на коленях, выгнувшись, запрокинув голову. Хрипя и дергаясь, пыталась вырваться.

Я медленно пошел к ним. Стрелять нельзя, дробь накроет обоих. Длинная, почти до колен, черная рубаха бородача, похожая на обрезанную рясу, порвалась на груди и плече, из ссадины на лбу текла кровь, во рту не хватало зуба. На шее висела железная цепь с амулетом. Вроде распятие, но крест напоминает скорее букву «Х», да и распятая фигура не похожа на человеческую.

Слегка присев, бородач сильнее отогнул назад голову пленницы и стал поворачиваться так, чтобы девушка оставалась между нами. Она застонала от боли.

– Именем Ордена, наемник! – произнес он хрипло. – Уходи! Ты что, не понимаешь, с кем связался?!

В его голосе были гнев и возмущение. Я приближался, не опуская оружия. Что этот мужик способен сделать? Ствола у него не видно, значит, я смогу подойти вплотную... Бородач тоже понял это – и толкнул девушку на меня.

Я отскочил, она растянулась на траве. Прыгнувший вперед бородач ударил меня по руке короткой дубинкой, которую прятал в рукаве. Самострел громыхнул, но ствол качнулся в сторону, и дробь попала в лежащий на боку фургон.

Стволом самострела я ударил бородача в живот, бросил оружие, широко развел руки и врезал противнику ладонями по ушам.

Говорят, при достаточной силе такой удар разрывает барабанные перепонки, хотя мне подобное никогда не удавалось. В любом случае даром это не проходит. Бородач застонал, разинув рот, из глаз брызнули слезы. Я рубанул его ребром ладони сбоку по шее и тут же костяшками пальцев – в кадык. Раздалось чавканье, будто камень упал в густую грязь, и тихий хруст. Из широких волосатых ноздрей плеснулась кровь, струйка потекла изо рта в темную бороду. Здоровяк упал навзничь.

Я отступил, тяжело дыша. Повернулся, услышав щелчок.

Девушка лежала на боку, целилась в меня из моего же самострела и раз за разом вдавливала спусковой крючок.

- Эй, подруга... - начал я, шагнув к ней. - Я ж тебя спас, а ты...

- Не подходи! Не подходи! - Она все еще пыталась выстрелить.

Я схватил самострел за ствол. Девушка ахнула, отдернув руки, на спине поползла от меня. Медленно шагая следом, я перезарядил оружие.

- Не подходи! - повторяла она почти в истерике. Большие светлые глаза наполнял ужас. - Ты... Некроз...

- Да что за некроз такой?! - не выдержал я. - О чем ты? Я ничем не болен, что ты несешь!

- Ты спустился оттуда, я видела в бойницу! - Она ткнула пальцем вбок, и я повернул голову.

Фургон лежал вдоль дороги, над бортом виднелся пологий холм. Внезапно я понял, что он отличается цветом от всего окружающего ландшафта - словно пятно темной жирной грязи посреди серого, в желтых и зеленых разводах, покрывала.

Когда я перевел взгляд обратно на девушку, она, привстав, взмахнула длинной кривой палкой, которую нашла в траве, и врезала ею мне по плечу.

Я покачнулся. Палка треснула и сломалась.

- Ну ты вообще охренела! - Я сунул самострел за ремень, сграбастал ее и поднял на руки. Она задергалась, голова откинулась назад, смертельный ужас исказил лицо - девчонка и вправду боялась меня, очень боялась. На лице к тому же было омерзение, словно я какая-то опасная ядовитая мокрица.

– Слушай, подруга! – рявкнул я. – Я не болен ничем! Все нормально, успокойся! Ну! Или прекращай дергаться, или я тебя свяжу!

Она замерла, уставившись мне в глаза. Наверное, только сейчас увидела, что они обычные.

– Отпусти меня!

– Ладно, ладно! Но ты веди себя нормально, иначе сделаю, как сказал.

Я поставил девчонку на землю, попятился, чтобы не поворачиваться к ней спиной, к бородатому, присел над ним, пощупал шею. Мертв. Я не собирался убивать его, просто в тот момент все очень быстро произошло и сработали рефлексy. Ситуация из тех, про которые я говорил генералу на допросе: если не ты, так тебя... А этот мужик явно хотел разделаться с нами обоими. Со мной так уж точно. Как он меня назвал... наемник? Наемник! Это что – судьба такая? Почему бородач не сказал «прохожий», «путник» или хотя бы просто «бродяга»? Почему именно «наемник»?

– Ты долго был в пятне? – спросила девушка, и я поднял голову.

Она поправляла одежду, настороженно разглядывая меня.

– В каком еще пятне?

– Да в том, что этот холм накрыло! Оно старое?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Я... не местный.

– Твое имя?

Я хотел ответить «Егор», но что-то будто подтолкнуло изнутри, и с языка сорвалось:

– Разин.

– Разин... – повторила она. – А я – Юна. Юна Гало.

– Это что еще за имечко? – удивился я.

Девчонка гордо вскинула голову:

– Думай, что говоришь! Я из Меха-Корпа!

– Да мне-то что? – Я зашагал в обход фургона, чтобы осмотреть тела других преследователей. Наверняка все трое мертвы – этот, последний, сидел на мотоцикле позади водителя, которого подстрелили из бойницы фургона, и его просто сбросило на дорогу, а вот остальным точно конец.

Так и оказалось. Я быстро вернулся обратно и увидел, что Юна Гало, забравшись на кабину, пытается открыть дверцу.

– Ты наемник? – спросила она.

– С чего ты взяла?

Она повела подбородком в сторону бородача.

– По повадкам видно. Хотя не обычный, кого попало такому не обучают... Если бы в Механической Корпорации состоял, я бы тебя знала. Значит, или бывший солдат из Замка Омега, или тебя долго натаскивали в какой-то бригаде охотников за головами.

Я полез на кабину, не обращая внимания на то, что девушка отстранилась – она все еще старалась не касаться меня, – присел над дверцей, широко расставив ноги, вцепился в ручку, поднатужился и распахнул ее.

Что ответить? До сих пор непонятно, что вокруг – то есть какое это время и какое место, – но моя история будет выглядеть фантастической в любом месте и времени. Можно соврать, что у меня амнезия после ранения, память отшибло... Но это сразу даст девчонке преимущество надо мной. Потому стоит пока

прикидываться, что я все понимаю. До поры это будет удаваться, ну а дальше, когда она меня раскусит, стану действовать по обстоятельствам. Главное – тянуть время подольше, сбивая ее с толку.

Я ответил:

– Не имеет значения, откуда я. Кто за вами гнался?

– Как – кто? – удивилась она. – Сам не видишь? Монахи.

Усевшись на краю дверного проема, я свесил в кабину ноги, нагнулся и заглянул внутрь.

– Ясно, что монахи. Я имею в виду: почему они гнались? Что им от вас надо?

Водитель был мертв – когда фургон перевернулся, ему размозжило голову о боковую стойку. Интересно, почему лобовое стекло не разбилось от удара? Я потрогал его, и оно прогнулось под пальцами. Оказалось, что там не стекло, а какая-то пленка, покрытая составом вроде лака.

Заметив кобуру с ремешком, висящую на крюке под рулевым колесом, я спрыгнул в кабину, взял оружие и полез обратно.

– За этими монахами едут другие, – сказала Юна Гало. – Скоро здесь будут. Надо уходить.

– Так почему они гонятся за тобой? – повторил я, выбираясь на кабину.

– Не твое дело, наемник. Слушай, что это за странная одежда на тебе? Это же пластмасса? Где ты такой комбинезон нашел, в развалинах?

Спрыгнув на землю, я пошел вдоль фургона. В кобуре оказался револьвер, чем-то напоминавший «кольт» времен Дикого Запада. Я переломил ствол, тронул капсули, торчавшие из барабана. На патронах не было маркировки, обычной штамповки завода-изготовителя, – они явно кустарного производства.

Защелкнув ствол, я вытянул руку, прицелился... А неплохая штука. Вес что надо, рукоять удобно лежит в руке...

- Кто в кузове? - спросил я, опустив револьвер. - Вас там минимум двое было.

- Михай, мой слуга, но он тоже мертв. - Она произнесла это равнодушно, будто Михаю на роду было написано отдать жизнь за свою хозяйку. - Монах попал в него сквозь бойницу. Наемник, ты меня слышал? Надо побыстрее уходить отсюда.

Я застегнул пояс, сунул в кобуру револьвер.

Мне надоел ее командирский тон - не знаю, кем была Юна Гало, но она явно привыкла помыкать людьми, а еще привыкла, чтобы ее слушались беспрекословно. И мне это не нравилось. Я полез в люк, бросив через плечо:

- Ну так уходи. И не приказывай мне что делать, ясно?

К полу, ставшему теперь стеной, были прикручены две железные лавки, лежанка и шкаф. Остальное ссыпалось вниз - посуда, пара сундуков... и тело седого мужчины с дырой в голове.

Я поднял ружье Михая. Оглядевшись, раскрыл один сундук - там лежала одежда, за ним второй, где оказалась всякая снедь: хлеб, нанизанные на веревочку куски вяленого мяса, банка с какой-то приправой, две большие тыквенные фляги, что-то еще... Банка была разбита, и в кузове запахло так, что я чихнул.

Стало темнее - в люке появилась голова девушки.

- Наемник! - позвала она.

Я повесил за спину ружье, прицепил к поясу подсумок с патронами и стал перекладывать еду из сундука в котомку, которую нашел в нем же.

- Что?

– Я благодарю тебя, – произнесла Юна Гало сухо. – Я должна была сразу поблагодарить тебя, но слишком растерялась. Ты спас мне жизнь. Теперь нам надо уходить отсюда. Если останешься, монахи будут пытаться тебя, чтобы узнать, куда пошла я, а потом убьют.

Пожав плечами, я выпрямился, закинул котомку за спину и полез наружу. Юна шагнула в сторону.

– Сколько их еще сюда едет?

– Я точно знаю про самоход вроде этого и два «тевтонца». Возможно, их больше.

Значит, самоходами здесь называют такие фургоны... А «тевтонцы»? Уточнять я, конечно, не стал. Сжимая в руках ружье монаха, девушка смотрела на дорогу. Не оборачиваясь, сказала:

– Я богата, наемник. Хорошо заплачу тебе. Не знаю, могу ли тебе доверять, но... Я нанимаю тебя. Пять золотых. Два вперед, три – когда дойдем до места. Ты будешь сопровождать меня и охранять. А теперь идем, монахи вот-вот будут здесь! Пока ты был внутри, я осмотрела мотоциклетки. Они сломаны, придется идти пешком. – Она показала в сторону моста над пересохшим руслом.

– С чего ты взяла, что я соглашусь охранять тебя? – спросил я.

– Но ты же наемник! А я – дочь Тимерлана Гало!

– А мне что с того?

– Ты... но ты... – Юна задохнулась от гнева. Тряхнув головой, хотела что-то сказать, но передумала. Достала из кармана серебристую заколку и стала укладывать свои темные волосы.

Покопавшись в котомке, я сорвал с веревочки кусок вяленого мяса, понюхал, откусил и стал жевать. Сильно перченое, но вкусное... Впрочем, сейчас мне показалось бы вкусным все что угодно. Покончив с первым куском, я принялся за второй; достал флягу, открыл и понюхал – обычная вода. Сделал несколько глотков.

Юна Гало вытащила из-за пояса серый берет и надела поверх собранных в узел волос.

- Пять золотых - это серьезные деньги, - сказала она холодно.

- А монахи - серьезные ребята. Ты это и без меня знаешь.

- Сколько ты хочешь? Или вообще не согласен? Думаешь просто ограбить фургон?.. Ограбить меня?

- Нет, - ответил я с набитым ртом. - Тебя я грабить не собираюсь. Но...

- Молчи! - Она вскинула руку, и я прислушался. Издалека доносился гул двигателей, пока что едва различимый.

- Надо уходить отсюда, наемник! Ты поможешь мне или нет? Сколько ты хочешь?

Я прикинул варианты. За спиной висели ружье Михая и котомка с едой, на поясе - самострел и револьвер, у меня была вода и патроны, в фургоне нашелся нож. Положение явно получше, чем полчаса назад, когда я бродил по какому-то странному холму с неказистым самострелом в руках. И все же я понятия не имел, где нахожусь и что вокруг. А с этой девчонкой... По крайней мере, я буду постепенно вытягивать из нее новые сведения про окружающее, осваиваться. Пока что надо держаться ее, а потом решу, что делать.

- Семь золотых, - сказала Юна Гало, с тревогой глядя поверх моего плеча на поворот дороги. - Семь, Разин! За эти деньги можно купить ферму!

- Ну хорошо, - решил наконец я. - Три вперед.

Она схватила меня за плечо и потянула прочь от фургона, в сторону моста. На ходу вытащила из-под куртки кошелек, достала три большие круглые монеты и сунула мне в руку.

- Быстрее, наемник! Надо уйти за мост, пока они не появились. Дальше Кевок и Серая Гарь, они не будут знать, куда мы свернули...

– Но куда мы идем? – перебил я, продираясь вслед за Юной Гало сквозь заросли бурьяна. – Куда тебе надо попасть, в конце концов?

– В Москву, – сказала она.

Глава 6

Жалким зрелищем был этот мост – рельсы проржавели, шпалы сгнили, между ними нанесло земли, откуда проросли трава с кустами.

Перед тем как ступить на него, мы не сговариваясь оглянулись. К перевернутому фургону подъехал другой, черный, рядом стояли две приземистые машины, похожие на багги, только гораздо больше.

– Сейчас они разберутся, что к чему, и поедут сюда. – Юна шагнула на мост и остановилась.

– В чем дело? – спросил я.

– Будь осторожен. Достань оружие, охраняй меня! Для чего я тебя наняла?

Я окинул взглядом пустой мост.

– Там никого нет, идем.

– Мне говорили, такие мосты часто выбирают... то есть под ними живут... – Она замолчала.

– Тролли, что ли?

– Что такое «тролли»?

Юна все еще стояла на месте, и я зашагал вперед, потянув ее за рукав:

– Идем, говорю.

– Не трогай меня, наемник! – отчеканила девчонка, отдернув руку. – Не прикасайся ко мне, если я не прикажу! Ты понял?!

Я пошел дальше, не оборачиваясь. Юна Гало догнала меня и вдруг ударила кулаком между лопаток. Схватила за воротник, рванув, выкрикнула:

– Ты слышал, что я сказала?! Смотри на меня! Я плачу тебе, и чтобы ты не смел прикасаться...

Я развернулся, оттолкнув ее, она споткнулась о шпалу и едва не уселась между рельсами.

– Слушай, подруга! – Я достал две монеты и швырнул ей под ноги. – Мне плевать, кто у тебя стоит за спиной и чья ты там дочь. Одну монету оставляю себе, за то что спас тебя на дороге. Теперь катись куда хочешь. – И зашагал дальше.

За спиной было тихо. Заметив тело, лежащее в зарослях на краю моста, я вытащил револьвер.

Я был уверен, что там лежит мертвый человек, и не ошибся. То есть наполовину не ошибся – он таки был мертвый. Но только это оказался не человек.

Я раздвинул кусты и стволом револьвера осторожно повернул бугристую, поросшую короткой темной шерстью башку. Существо, одетое лишь в подпоясанные веревкой короткие штаны из мешковины, напоминало обезьяну. В розовом морщинистом лице уродливо соединялись человеческие и звериные черты, отчего выглядело оно жутковато. Из левой половины груди торчала загнутая крюком арматура – должно быть, конец ее, глубоко ушедший в тело, хорошо заточен. Другой конец был обмотан веревкой, поверх шли аккуратные витки проволоки.

В правой руке существо сжимало конец длинной берцовой кости. Человеческой.

Скрипнул гравий, над ухом раздалось дыхание. Помедлив, я протянул в сторону руку. Спустя несколько секунд ощутил на ладони холод металла и сжал пальцы.

Сунув две монеты в карман, встал.

– Это мутант, не мутафаг, – тихо сказала Юна Гало. – Его убили кетчеры, такими штуками они любят пользоваться.

– Кто такие... – начал я и замолчал.

– Что? – спросила она после паузы. Я не отвечал, и девушка добавила: – Идем, монахи уже, наверное, сюда едут.

Мы сошли с моста. Вдоль этого берега тянулись холмы, от русла отходила тропа, едва заметная среди зарослей и густой травы.

– Ты бывал в этих местах? – спросила Юна Гало, и я покачал головой. – Откуда ты?

Помедлив, я сказал первое, что пришло в голову:

– С побережья.

– Откуда? – Она явно не поняла. – С какого еще... А, с берега Донной пустыни? С горы Крым или с Моста? Вроде больше там нигде не живут.

Быстро шагая, я сделал неопределенный жест. Пусть думает что хочет. Хотя странно звучит – «гора Крым». Что это значит, как полуостров мог стать горой?

Наверно, это все же виртуал. Какая-то большая локация, и программисты с дизайнерами, или кто там еще создает такие вещи, использовали для нее привычные названия. Может, доктор Губерт исследует влияние полного погружения в искусственную реальность на человеческую психику. Здесь есть Москва, есть Крым... А еще какие-то мутафаги и кетчеры. И мутанты. И странная плесень, которая заставляет мертвецов ходить. Кажется, именно ее Юна Гало и назвала некрозом? Для чего ее ввели в виртуальную локацию? И что означало все то, что случилось, когда я встал с лежака? Может, программный сбой? Или это был способ сбить меня с толку, создать впечатление, будто что-то пошло не так, чтобы подопытный решил: он вырвался из-под контроля экспериментаторов и вокруг настоящая реальность?

Но если так, то что представляет собой некроз? Мутант – ладно, но некроз выглядел слишком уж фантастично, именно из-за него у меня впервые возникло впечатление нереальности происходящего. Для чего его ввели в локацию?

Мгновение казалось, что я понял, догадка будто скользнула по самому краю сознания... И пропала. Я даже плюнул в досаде.

Солнце клонилось к горизонту, стало прохладнее. Снова захотелось есть. Не останавливаясь, я достал кусок мяса с хлебом и посмотрел на шагающую рядом Юну.

– Будешь?

Не глядя на меня, она покачала головой. Я стал жевать, запивая водой из фляги. Шум моторов пока не доносился – монахи еще не подъехали к мосту.

Холмы скрыли русло пересохшей реки, мы шли дальше. Дорога впереди раздваивалась: один рукав, более широкий и хорошо утопанный, вел влево, к большому полю, другой – едва заметная извилистая тропа – вправо, туда, где виднелась роща.

– За полем слева Кевок. – Юна остановилась. – Он далеко. А справа Серая Гарь, она ближе. Кевок просто городок посреди Пустоши, а Гарь находится на старой свалке. Надо решить, куда дальше.

– Зачем идти в одно из этих мест, если монахи и там, и там могут найти нас? И потом, они ведь могут разделиться... Значит, опасно и в Кевоке, и в этой Гари. Надо заночевать где-то еще.

Она посмотрела на меня как на идиота:

– Что ты говоришь? Мы же на северо-востоке Пустоши! Это днем здесь только панцирники ходят да мутанты вроде того, который на мосту. А ночью и ползуны из холмовейников вылезают, и гиены горбатые появляются, и ежи... Да тут в каждой норе мутафаг сидит! Ночью, без сендера, только вдвоем... Нет, надо туда, где люди.

Я чуть было не спросил, что такое «сендер», но вовремя прикусил язык.

– Ну хорошо, так куда нам лучше повернуть?

Юна задумалась.

– Ну, Кевок больше, более обжитой, там даже радиостанция есть... – Она вскинула голову. – Точно! У них же передатчик, причем мощный. Монахи смогут связаться со своими. Поговорят с каким-нибудь форпостом, и им пришлют подмогу. А в Серой Гари передатчика нет.

– Значит, от Кевока надо держаться подальше, – решил я, но затем покачал головой. – Хотя нет, если он больше, то нам в нем будет легче спрятаться.

Она возразила:

– С чего ты взял? Что та?м, что та?м... Нас увидят при въезде в город, и если монахи следом войдут, то быстро узнают, где мы. В таких местах незнакомцы всегда на виду.

– Значит, идем в Серую Гарь. – Я зашагал по узкой тропке, ведущей вправо. – Расскажешь о ней по дороге.

Холмы остались позади, мы приближались к роще, на краю которой дорога обрывалась. Возле тропки высился холм, покрытый кривыми наростами, словно большими бородавками. Он состоял из глины и камней, а еще из кусков шифера, железного лома, досок и колотых кирпичей. Проходя мимо, я искоса, чтобы не показывать любопытства, разглядывал его. Девчонка произнесла одно слово: «холмовеиник»... Это он и есть, что ли? Если так, то внутри живут те самые ползуны, которые, по ее словам, выбираются только по ночам.

Роща с виду казалась неопасной, но что, если в ней прячется стая гибридов вроде тех, с холма? Решив, что туда лучше не соваться, я зашагал в обход, и Юна Гало поспешила следом.

– Ты была в этих местах раньше? – спросил я.

Она покачала головой:

– Никогда. Просто, когда мы уже собрались ехать в Москву, я заставила Михая все рассказать о поселках, мимо которых будем проезжать. Он был следопытом, здесь много сезонов бродил. Он мне про Гарь и про Кевок рассказал.

– А кто там управляет?

– В Гари? Да никто. Просто люди живут...

– Но почему они именно там поселились?

– Как это почему? Иногда ты задаешь такие странные вопросы, наемник... Потому что в том месте водяная скважина. Воду нашли несколько сезонов назад, и вокруг сразу возник поселок. В Гари живут всякие бродяги, разорившиеся фермеры, старатели. Там у них огороды вокруг, а воду они продают проезжим.

Я остановился, заведя пересекающую наш путь цепочку следов. Непонятно, что за зверь их оставил, но он явно большой и тяжелый. Может, это тварь той же породы, что и та, погнавшаяся за стаей гибридов прошлой ночью, когда я сидел на крыше казармы?

– Странно, – сказала Юна. – Следы вроде как у маниса. Откуда здесь манис, они же на юге только живут? Если он в той роще прячется, может напасть на нас. Идем быстрее.

Я молча зашагал дальше. Манис... Наверное, мне еще долго предстоит слышать незнакомые слова, которыми местные называют всяких необычных тварей.

Солнце успело сползти к горизонту, когда мы обошли рощу. За ней открылась низина, полная всякого хлама. В небо торчал подъемный кран со сломанной стрелой, вокруг лежали цистерны, контейнеры, горы металлолома, битых кирпичей и треснувших строительных плит. В окошке кабины крановщика мелькнул силуэт, и я спросил:

– А они не начнут по нам с ходу палить?

- Нет. Вдруг мы хотим купить у них воду.

- Тогда могут попробовать ограбить, как только войдем.

- Ты что, боишься? - Юна покосилась на меня. - Ты же наемник.

- Дело не в том, боюсь или нет. Надо знать, чего ждать от них.

- Да того же, чего ждать от неудачников из любого другого поселка на Пустоши! Ты бывал в них тыщу раз! Это все трусливые хорьки, они укусят тебя, если ты слабый, и разбегутся с визгом, если показать им силу... У тебя вид что надо, наемник. Оружием обвешан, нож на ремне, морда зверская, комбинезон какой-то непонятный. Вот и шагай смело - никто тебя не тронет.

Слова ее не очень-то убедили меня, но я решил пока что не доставать оружия, чтобы не пугать лишний раз «хорьков». Они могут и разбежаться с визгом, как утверждала Юна Гало, а могут наброситься из-за угла... то есть выстрелить по нам откуда-нибудь с вершины мусорного холма.

Мы вошли на свалку. Подъемный кран висел над всей округой, теперь я хорошо видел человека, высунувшегося из окна кабинки с ружьем в руках. Он следил за нами, но оружие не поднимал. Одет во что-то бледно-рыжее, на голове желтая косынка, стянутая узлом сзади. Когда мы почти миновали кран, дозорный громко свистнул. Спустя несколько секунд донесся ответный свист.

Жара спала, но за день солнце успело разогреть свалку, и над холмами курились испарения. Пахло горелой резиной, гнилью и мазутом.

Впереди показались стоящие вплотную большие картонные коробки с криво прорезанными окошками. Сверху лежала черная от дегтя и машинного масла ветошь - что-то вроде соломы на крыше сельского дома. У последней коробки боковины не было, рядом на листе жести сидел, сложив ноги по-турецки, полуголый оборванец. Над всклокоченными волосами его вилась жужжащая стайка мух.

- Просто идем дальше, - сказала Юна Гало. - Не обращай внимания на эти отбросы.

– Вижу, сердце твое полно жалости и сострадания к ближним, – заметил я.

Оборванец смотрел на нас мутными глазами. Когда мы поравнялись с ним, он привстал, простер в нашу сторону руку, будто хотел предупредить о чем-то, но так ничего и не сказал – плюхнулся обратно на жесть. Я приостановился, но Юна решительно шла дальше. Человек, встав на четвереньки, полез в свой картонный дом.

За штабелем растрескавшихся бетонных плит горел костер, по сторонам его стояли рогатины, на них висела толстая ржавая пружина, прогнувшаяся под весом котла. В нем что-то булькало – съедобное, судя по запаху, хотя я бы не рискнул снять пробу. Рядом на перевернутых ведрах, на камнях или просто на корточках сидели люди, мало отличавшиеся от первого обитателя Гари, который попался нам на глаза. Женщина с черным от копоти лицом, забравшись на горку битых кирпичей, огромным половником зачерпнула из котла варево и стала нюхать, шумно втягивая ноздрями воздух.

При нашем появлении все повернули головы, а женщина едва не свалилась с кирпичей и выпустила половник, который с хлюпаньем упал в котел. Выругавшись, она спрыгнула на землю и уставилась на нас, уперев руки в бока. На ней был короткий халат и ватные штаны, из-за пояса торчала обмотанная тряпьем рукоять.

– Эй, вы! – хрипло крикнула женщина, вытащила мясницкий тесак и потрясла им.

– Идем, идем, – поторопила меня Юна. – Не останавливайся и не обращай на них внимания.

– Стойте! – прозвучало сзади, но девушка не обернулась.

Люди пялились нам вслед, пока мы не миновали остов экскаватора, в ковше которого спал человек, и машина не скрыла нас от компании вокруг костра. Дальше был ряд автомобилей без колес, стоящих на столбиках из кирпичей. Между холмами за ними раскинулись огороды. На кривых грядках зеленели кустики и хилые, нездорового вида побеги, подвязанные тряпками и проволокой к торчащим из земли палкам.

За следующим холмом открылась обширная земляная площадка, на краю которой стояла единственная в этом месте постройка, отдаленно напоминающая нормальный дом. Первый этаж – каркас из сваренных труб и решеток вместо стен, а второй дощатый, с квадратами неровно выпиленных окон и балконом. Там на высоком табурете сидел человек в широкополой шляпе, с винтовкой в руках.

Наверное, это место служило в Серой Гари центральной площадью. У дома между машинами с открытыми кузовами прохаживались люди, все в рыжей коже и с банданами на головах. Ближе к нам стояла водяная колонка, окруженная чугунной оградой с калиткой, висящей на одной петле.

Оглядевшись, Юна решительно пошла через площадь, и я сказал:

– Стой.

– Может, договоримся, чтоб нас подвезли...

– Подожди!

Она быстро шла вперед, не оглядываясь.

Сделав несколько шагов, я остановился. Повторил:

– Юна, стой.

Она упорно шагала к гостинице. Человек на балконе выпрямился во весь рост – даже отсюда было видно, что он здоровый, как медведь, – и потряс винтовкой. Она тоже была здоровенной да к тому же с оптическим прицелом, непривычно длинным и широким.

Люди у машин пошли навстречу Юне, еще несколько показались по сторонам площади.

Я достал револьвер, и здоровяк на балконе, вскинув винтовку, выстрелил. Пуля ударила в землю у моих ног.

– Медленно-медленно положи его! – крикнул он.

– Я из Меха-Корпа! – звонко прокричала Юна, быстро шагая через площадь. – Хочу нанять вас!

Вот стерва! Пришлось мне положить револьвер. Когда выпрямился, откуда-то сбоку выпрыгнул босой парень в закатанных до колен штанах из мягкой кожи и расстегнутой рубаше. Волосы на его голове были собраны панковским гребнем, да еще и выкрашены в темно-красный, почти черный цвет. Из гребня, будто иглы, торчали заточенные куски арматуры и обломки лезвий. На поясе висели цепи с грузилами на концах, в руке была загнутая крюком арматура с заточенным концом. Я сорвал ремень ружья с плеча, а он ударил меня своей железякой, целя в голову – хорошо, что не острым концом. Палец сам собой вдавил спусковой крючок, и пуля улетела куда-то в сторону. Панк замахнулся вновь, и тогда я врезал ему прикладом по впалому животу.

Сипло выдохнув, он согнулся пополам. Сзади раздался топот. Юна Гало прокричала:

– Я дочь Тимерлана Гало! Кетчеры, я хочу нанять вас! Эй, ты! Ты главарь? Я из Корпорации, слышишь?!

Здоровяк с балкона зычно выкрикнул:

– Не трогать ее! Этого – не убивать, обоих в дом!

Бросив ружье, я выхватил из кобуры самострел. Сразу трое в рыжей коже подскочили ко мне, одного я встретил ударом кулака в лицо, на второго наставил оружие, но третий вмазал арматурным крюком по стволу, и дробь ушла в землю. На меня навалились со всех сторон, я отшвырнул одного противника, коленом наподдал под дых другому, а после меня перетянули железякой по плечам и сделали подсечку.

Топот и крики раздавались со всех сторон. Сбросив с себя кетчера, я вскочил, и рядом вновь появился панк с цепями на поясе. Гребень на голове содрогается, глаза выпучены, лицо совсем безумное. Он рванул цепи, закрепленные на короткой рукояти, но я двумя ударами сбил его с ног.

А потом, получив прикладом по затылку, сам упал сверху.

Глава 7

Меня разоружили, втащили в дом, который Юна назвала гостиницей, и бросили на земляной пол первого этажа.

Когда перед глазами перестали кружиться красные точки и звон в ушах стих, я сел. Вытер рукавом кровь под носом, потрогал ребра, подбородок. Огляделся.

Вечерний свет лился сквозь решетчатые стены, снаружи на мусорном холме маячила фигура часового. Всей мебели на первом этаже – приземистый стол, то есть лист ребристого железа, положенный на столбы из камней, несколько колченогих табуретов да лавка. На столе стояли бутылки, миски и стаканы.

Двое кетчеров, втащившие меня сюда, отошли к лестнице на второй этаж. На поясах висели самострелы, у одного в руках была дубинка, у другого тесак. Раздались шаги, и в комнату ввалился панк. Он гримасничал и часто облизывал губы. Глаза блестели, будто парень ширнулся какой-то наркотой. При виде меня панк ощерился, снял с ремня свои цепи и стал медленно приближаться, покачивая ими. Оружие напоминало плеткумнохвостку: короткая рукоять, с нее свисают четыре цепочки, на конце каждой грузило – шипастый шарик, ребристый брусок металла, клубок из спаянных крючков, кубик с острыми гранями.

Панк шел, безумно улыбаясь, качая своей цеповой плетью, а я сидел и глядел на него.

В дверной проем за спиной панка втокнули Юну Гало, следом вошли двое кетчеров. Один после знакомства со мной хромал. На плече другого, несшего керосиновую лампу, висело ружье, которое раньше было у девчонки.

– Эй ты, не трогай его! – крикнула она.

Панк, не обращая на нее внимания, шел ко мне.

- Ты слышал? Не трогай наемника!

- Пасть заткни! - прошипел он, не оборачиваясь.

Я прикинул, что надо будет откатиться вбок, когда панк ударит, схватить его за запястье и рвануть на себя, прикрываясь его телом от выстрелов тех двоих, что стоят у лестницы... Хотя ведь теперь в помещении появились еще двое, они с другой стороны, и шансов у меня нет...

Раздались тяжелые шаги, лестница скрипнула, и по ней спустился здоровяк с балкона.

- Ну, что тут у нас?

Этот парень напоминал атлета из цирка. На две головы выше меня и гораздо шире в плечах, ноги в огромных сапогах с отворотами как колонны. Небритый подбородок выпирает вперед, нос большой и горбатый, а лоб совсем низкий. Сдвинув на затылок широкополую шляпу, он спросил:

- Ты вправду дочь Тимерлана?

Здоровяк держал винтовку с оптическим прицелом, то есть закрепленной на стволе алюминиевой трубкой. Внутри, наверно, пара линз... Неужто такая штука действительно может помочь при стрельбе на дальние расстояния? Хотя ведь положил он пулю аккуратно мне между ступней.

- Он мой отец, - подтвердила Юна. - Знаешь, что будет, если со мной что-то случится?

- Ну, думаю, из Арзамаса пришлют три сотни сабель и они перебьют здесь всех.

- Правильно!

- Только откуда в Арзамасе узнают про меня и моих парней, если я прямо сейчас пристрелю тебя и скажу закопать в мусоре?

- Местные видели нас. Когда отец пришлет людей, кто-нибудь расскажет...

Здоровяк сплюнул.

- Да мы перебьем их всех - вот будет потеха охотиться за вонючками по свалке, а?

Кетчеры согласно загомонили в ответ. Главварь поглядел на меня и ухмыльнулся:

- А это, стало быть, сын Тимерлана Гало? Где ему папаша такой комбез раздобыл? Из пластмассы!

- Нет, он просто наемник, - сказала Юна. - Я знакома с ним всего полдня.

- То есть он не нужен тебе?

Она молчала.

- Он не нужен тебе, он не нужен нам... - пророкотал главварь кетчеров. - Он никому не нужен. И он побил Сипа. Скажи, Сип, больно было? Я видел с балкона, как он тебе вмазал...

Панк в ответ что-то прошептал, злобно пялясь на меня.

- Стало быть, - продолжал здоровяк, - можно пустить этого парнягу в расход без лишних слов.

Он пошел ко мне, на огромных сапогах его тихо забряцали шпоры. Здоровяк пнул меня подошвой в грудь, и я повалился бы на спину, но успел вцепиться в его ногу, вывернул стопу и дернул.

Чтоб не упасть, он ухватился за плечо стоящего рядом Сипа.

- Как ты посмел к Бурносу прикоснуться?! - заорал тот и, подскочив ближе, замахнулся своей цеповой плетью.

Я отклонился, и удар вышел скользящий, хотя шипастый шарик распорол пластик комбеза на плече и глубоко порезал кожу. Сип нырнул вперед, и торчащие из гребня на его голове лезвия оцарапали мне щеку – еще немного, и я остался бы без глаза.

Отпрянув, панк замахнулся опять, но главарь оттолкнул его. Бурнос вроде едва коснулся Сипа, однако тот врезался плечом в решетку так, что с потолка посыпалась труха.

– Бурнос! – прошипел он. – Дай мне...

– Стой на месте, – велел главарь и направил ствол снайперской винтовки мне в грудь.

– Убьешь его – тебе же хуже будет, – сказала Юна Гало.

Бурнос замер, помедлил и вдруг широко улыбнулся:

– Ну, красавица, ты знаешь, что сказать в нужный момент! – Не опуская винтовку, он кинул взгляд через плечо. – И чё это значит? С чего мне хуже будет?

– Я встретила его, когда он вышел из пятна, – сказала Юна. – Это было еще в полдень. И он до сих пор не болен, видишь? Он выжил в некрозе. Не заразился. А теперь подумай, как ты сможешь использовать его.

* * *

– Тут за пустырем пятно некрозное есть. – Присев на краю ямы, Бурнос смотрел на меня сквозь решетку. – Там когда-то Надим Тесак жил. У него в хибаре стволов немерено. Но накрыло хибару его – и всё, и нема Надима! Пару раз видали, как он там ходил, дергался, весь в коросте. Потом пропал... может, в доме у себя лежит, сгнил уже. А стволы до сих пор внутри. Вот ты нам их и принесешь, парняга. – Настроение у главаря кетчеров было, судя по всему, отменное, отчего он стал разговорчивым. – Думаешь, не знаю, о чем щас думаешь? Знаю! Но пятно там небольшое, ты из него никуда не денешься, мы вокруг будем. Заляжем и целиться в тебя станем, ничего не сделаешь. И еще на цепь тебя посадим, на длинную, с ошейником, чтоб чуть что – назад выволочь.

Да и монеты у Надима в подполе наверняка заныканы. Некроз к железу не липнет, так что они до сих пор целехоньки, и ты мне их, значит, доставишь. А потом мы тебя еще...

- Оружие у Надима, выходит, целиком железное было? - перебил я. - Интересно, хочу посмотреть.

Он озадаченно спросил:

- Чё?

- Ты говоришь - некроз только железо не трогает. Но хочешь, чтоб я оружие Надима принес. А оружие из чего? Ствол там, затвор... А приклад? А ложе? Они ж деревянные, Бурнос.

Он покрутил головой, почесал выступающий вперед подбородок и заключил:

- Соображаешь, наемник. Ну, вообще, некроз не только железо, он и еще кое-что, говорят... Стекло там... Не, точно, пропало Надимово оружие! Ладно, не важно, монеты все одно нам доставишь. А потом мы тебя в другие места свезем. Говорят, некроз на Пустошь наступает, пятен все больше. Будешь хорошо работать - буду тебя кормить и почти не бить, сечешь?

Я покачал головой:

- Ты меня не заставишь на себя пахать, Бурнос.

Он засмеялся:

- Заставлю. Ты не знаешь еще, на чё Сип наш способен. Он, понимаешь... - главарь кетчеров доверительно склонился ниже, упершись руками в прутья решетки, - людей мучить очень любит. Такой от нрав у мальчика. Как-то фермера одного покалечил, кожу с него... Мои уже говорят: «Сип, добей его, чё он орет, спать же мешает», а этот садюга... Три дня фермер орал. И ты орать будешь, тем паче зол он на тебя. Слезами кровавыми умоешься, шкуру он с тебя живьем снимать станет, суставы дробить... Сам умолять меня начнешь, чтоб пустил в пятно, работать позволил и от Сипа защитил. Ну ладно, парняга, до утра тут

сиди, а потом решим, чё да как.

Он встал, шагнул прочь, и тогда я сказал:

- А ты ей поверил, да, Бурнос?

Главарь вновь показался над краем ямы.

- Чё? - подозрительно спросил он.

- Девке поверил, что она дочка Тимерлана?

- А почему бы мне ей не поверить?

- Ну ты наивняк, кетчер! - Я насмешливо смотрел на него. - Да ты на нее глянь: шлюха обычная. И вот такая вот - дочь самого? Тимерлана?

Я понятия не имел, кто такой этот Тимерлан, то есть ясно было, что он главарь Меха-Корпа, но что это за Меха-Корп, я не ведал, а раз так, то не знал ничего и про Тимерлана. Но надо было что-то делать, а других путей, кроме как сбить кетчера с толку, пока что не наблюдалось.

- Одета нормально, - возразил он, - говорит умно?, шлюхи дорожные так не болтают складно. Главное, деньги у нее есть. Откуда у шлюхи деньги? Врешь, наемник.

Я поднял руку, собираясь покрутить пальцем у виска, но сообразил, что для Бурноса этот жест может оказаться бессмысленным - вдруг здесь так никто не делает? - и сплюнул на дно ямы.

- Болтает складно, потому что любовник у нее из этих... Короче, лекарь он был, ученый сильно. Книжки всякие читал, в науках соображал, а она с ним жила. Ты знаешь, что такое «науки», Бурнос? Сам подумай: ну откуда дочка самого? Тимерлана здесь возьмется? Как она попала на эту свалку вашу? С каким-то наемником, без охраны, без ничего...

- А ты мне, значит, объяснишь щас? - прищурился он.

- Объясню, – уверенно сказал я. – Уже объяснил: она шлюха обычная. Последний год с одним лекарем богатым жила...

- Чё? – перебил кетчер.

Я быстро повторил про себя только что произнесенные слова. Что не так? Слово «лекарь» ему знакомо, а больше вроде ничего такого...

- Чего это ты щас сказал, наемник? Что это за... этот... гог?

- Год... – Тут я слегка растерялся. У них что, вообще другое исчисление времени?

- Да, вот оно. Чё оно такое?

- Ну... Так в местах, откуда я, время меряют.

- А откуда ты?

- С побережья.

- Откуда? С какого еще по-бе-режья? Ты дурман-травы, часом, не курил сёдня с утра, парняга? Такое несешь... И хочешь, чтоб я тебе верил?

Решив, что единственное спасение для меня сейчас – решительность, я заявил:

- Хочу – не хочу, а главное, что правду говорю. Юна последний... последнее время с богатым лекарем жила. Потом мы с ней сошлись. Я всякими разными делами промышлял... На мутафагов охотился, ну и другими. И мы ее любовника грабанули. Хотели только денежки унести ночью, но так вышло, что убили его. Проснулся старик не вовремя, пришлось мне его пристукнуть. В ту же ночь ушли, сам понимаешь: оставаться после такого нельзя было. В Москву пошли. То есть сначала ехали, потом шли... А когда она вас увидела – решила предать меня. И тебя потом так же предаст. Она та еще стерва, Юна моя. Понял, кетчер?

Несколько мгновений он смотрел на меня, потом развернулся и ушел.

* * *

Солнце село, в яме стало темно, но вскоре наверху зажгли факелы, и отблески огня упали на отвесные земляные стены. Яма эта находилась сразу за большим мусорным холмом позади двухэтажного дома. Я слышал приглушенные голоса кетчеров и обитателей Серой Гари, треск факелов, даже тихий скрип лавок и звон посуды, доносящиеся из дома.

Приподнявшись на цыпочках, я вытянул руки – до накрывающей яму решетки всего ничего, если подпрыгну, ухвачусь за прутья... Но что дальше? Углы решетки приварены к железным столбам, врытым в землю, ее не поднять. Ближе к краю – люк, закрытый на засов с большим висячим замком. Отсюда я смогу дотянуться до него, если повисну на одной руке, а вторую просуну между толстыми квадратными прутьями, только толку от этого никакого...

Факел загудел на ветру, в яме стало светлее, и на фоне неба возникла голова с гребнем волос, украшенным лезвиями и заточенными кусками арматуры.

Сип присел на краю ямы с факелом в одной руке и цеповой плетью в другой и стал покачивать ею. Грузила на концах зазвенели, залязгали, ударяя по прутьям.

Я уселся на дне, поджав ноги, привалился спиной к стенке. Сип наблюдал за мной. Глаза, поблескивающие в свете факела красным, напоминали звериные.

Раздались шаги, и на краю ямы появился Бурнос.

– Паскуда! – выдохнул он. – Мутафага тебе в задницу, наемник... Сбрехал мне! Девчонка печать Корпорации показала! И свиток... Я-то читать не умею, но Манок наш в грамоте соображает! Она из Меха-Корпа, точно это! И она нам все объяснила... Ты на самоход ее напал, убил охранников, ее саму хотел продать в бордель в Кевоке, да с пути сбился! Ну, паскуда, радуйся, что неохота мне щас в яму лезть... Утром тебя отделаю – в пятно на карачках поползешь, понял?!

Он отскочил и снова появился на краю ямы с большим камнем в руке. Замахнулся. Я нырнул вперед, и камень врезался в землю, едва не задев мою спину.

– Сип, сторожи! – приказал Бурнос. – Вниз не вздумай лезть! Сам видел: наемник махаться горазд. И девка говорит, он двоих ее людей голыми руками положил, третьему башку с самострела разнес. Я знаю, тебе его цепями погладить своими хочется, но чтоб здесь сидел! Ты понял? – Он схватил Сипа за шиворот, притянул к себе и выдохнул в лицо: – Понял, спрашиваю?!

Панк что-то прошипел в ответ.

– Вот так! – сказал Бурнос, оттолкнул его от себя и ушел.

Стало тихо, только факел гудел на ветру. За день яма успела нагреться на солнце, но теперь земля быстро отдавала тепло – становилось прохладно.

Сип принялся расхаживать вокруг, потом исчез из поля зрения. Я опять сел, размышляя, что делать дальше. Закрыв глаза, но тут словно что-то подтолкнуло изнутри. Поднял голову – и вскочил, уставившись вверх.

В темном небе одна за другой гасли звезды. Что-то огромное летело над редкими облаками.

Я подпрыгнул, вцепившись в прутья, подтянулся и приник лицом к решетке, пожирая глазами... что? Ничего подобного я не видел никогда.

Одно ясно: эта штука округлой формы и очень-очень большая. Но из чего она сделана? На железо вроде не похоже. Слишком высоко и слишком темно, невозможно определить. Все же, наверное, какой-то металл...

Я не мог понять, есть ли на дне объекта выступы и впадины или поверхность гладкая. Не мог разобрать, какого он размера и на какой высоте движется. Я вообще ничего не мог понять! Этот летающий остров полностью выпадал из всей картины окружающего, которая очень медленно, нехотя начала складываться в моей голове. Он будто прилетел сюда откуда-то совсем из другого места...

И вдруг я понял, что уже видел нечто подобное.

Точно! Когда после начала эксперимента попытался сойти с площадки, пространство расколола трещина, и в трещине этой показался остров наподобие

того, что парил сейчас над редкими облаками в тишине ночного неба.

Раздалось едва слышное звяканье, и я скосил глаза вправо. Сип крался к яме, занеся руку с плетью, цепи покачивались, грузила слабо постукивали одно о другое.

Я висел в том же положении, не поворачивая головы. Ступая медленно и осторожно, он подошел еще ближе и с размаху ударил.

В последний миг я сунул правую руку между прутьями, удерживая вес тела левой. Грузила лязгнули по железу в том месте, где только что были мои пальцы, а я вцепился в одну цепь и что было сил дернул.

Висел я почти на середине решетки – чтобы ударить, Сипу пришлось встать на самом краю и наклониться вперед. Запястье его было продето в темляк на рукоятке плети, и после моего рывка кетчер, потеряв равновесие, плашмя упал на прутья. Он зашипел и попытался встать, проваливаясь коленями и локтями между прутьями. Я перехлестнул цепь через его шею, сжимая ее правой рукой, левой схватился за грузило и повис, вдавливая голову кетчера в решетку.

Он шипел и плевался мне в лицо. Я качался под ним, кровь из пробитой шипами ладони бежала по предплечью. Если бы Сип лежал на спине, цепь задушила бы его, а так она лишь стиснула шейные позвонки, не позволяя ему подняться.

Упершись в прутья одной рукой, он потянулся к ремню, на котором висел нож. Я глубоко вдохнул и согнулся, рывком подняв ноги к прутьям.

Пластиковыми подошвами мокасин уперся в лицо кетчера. Он дернулся и наконец сумел вытащить нож. Повиснув вниз головой, я давил, медленно распрямляя ноги. Сип хрипел, его шея выгибалась все сильнее. Он попытался ударить, но из-за прутьев толком не смог этого сделать, клинок лишь надрезал пластик штанины.

Левая рука горела огнем, кровь стекала под рукав комбеза, к плечу. Зажмурившись, я с глухим рычанием распрямил ноги.

В шее Сипа хрустнуло, голова откинулась, едва не касаясь затылком спины между лопатками, и нож выскользнул из руки.

Опустив ноги, я свалился на дно ямы. Левая рука пульсировала болью, шипы оставили на ладони несколько рваных ран. Из таких кровь будет течь и течь, надо обязательно перетянуть запястье, но пластик для этого не годится, нужна какая-то ткань.

Перед глазами все плыло. Сип лежал на решетке, голова и руки свесились между прутьями. Я подобрал нож, сунул его в зубы, подпрыгнул и повис на правой руке. Вцепившись в прут пальцами левой, но стараясь не налегать на него ладонью, подтянулся и стал шарить по одежде панка.

Ключ нашелся в кармане штанов. Раскачивая ногами и перехватывая прутья, я добрался до люка, некоторое время тыкал ключом в железо, потом попал в скважину, отомкнул замок, откинул люк и вылез наружу.

А после этого потерял сознание – слишком много сил и крови ушло, слишком большое напряжение понадобилось.

* * *

Когда я очнулся на краю ямы, нож лежал рядом, а кровь из ладони все еще текла. Кажется, я вырубился ненадолго, прошло не больше пары минут. Я взял нож, преодолевая слабость, дополз по решетке до мертвого панка и срезал рукав с его рубахи. Заметил пристегнутую к поясу флягу, снял ее, открыл, понюхал – и полил содержимым ладонь.

Запекло так, что я едва не взвыл. Когда розовая жижа на ладони перестала пузыриться, перетянул кисть рукавом и сделал несколько глотков из фляги.

Самогон более-менее привел меня в чувство. Я обыскал труп, но ничего, кроме ножа, цеповой плети и фляжки Сип с собой не носил.

Тогда я сполз с решетки, встал на краю ямы и огляделся.

Неподалеку горел воткнутый в землю факел. Вокруг были мусорные холмы, над вершиной одного виднелась крыша двухэтажного дома, с той стороны доносились приглушенные голоса и лился тусклый свет. Я мог бы пойти туда, как-то пробраться внутрь, разделаться с часовыми и попытаться угнать одну из бандитских тачек. С виду они совсем простые, наверняка управление такое же: механическая коробка, три педали да рукоять передач. Но кетчеры услышат шум мотора, помчатся следом, а я не смогу долго петлять по ночному лабиринту – врежусь в склон холма или влечу в какую-нибудь яму, тем все и закончится.

Нет, надо уходить пешком, тихо, и надеяться на то, что Бурносу не скоро придет в голову отправить когото на смену Сипу или наведаться к яме с пленником самому.

А еще на то, что меня не сожрут ночные мутафаги, ползуны или горбатые гиены, о которых говорила Юна Гало.

Вспомнив о ней, я сплюнул. Чертова девчонка! Ведь всегда знал, что женщинам доверять нельзя, у них иначе устроены мозги, они могут выкинуть такой фокус, который нормальному мужику и в голову не придет...

Хотя в этом предательстве не было ничего необычного. Девчонка просто использовала обстоятельства в своих интересах. Кетчеры сразу бы схватили нас обоих, а так Юна стала кричать, что она из Меха-Корпа, и бандиты взялись лишь за меня. Юне это даже на руку: несколько человек защитят ее лучше, чем какой-то подозрительный наемник. Хотя бандиты тоже не лучший выход – когда они вместе покинут свалку, Бурнос в любой момент может решить, что легче дать девчонке по голове, забрать все монеты, а ее саму закопать и уехать подальше из этих мест. Но если она посулила главарю кетчеров больше монет, чем у нее есть при себе, то жадность может удержать его от этого шага...

С такими мыслями я вновь залез на решетку, подтянул Сипа к люку, стащил с него рубаху и сбросил тело вниз, а после, закрыв люк, запер замок. Если даже кто-то подойдет к яме, он может решить, что человек внизу – спящий пленник, а Сип куда-то отошел... Надолго это никого не обманет, но еще немного времени я выиграю.

Рука ныла, пальцами я двигал с трудом. Хорошо хоть кровь уже не идет. Обвязав рубаху вокруг поясницы, я сунул за нее плетень, хлебнул из фляги и быстро пошел

прочь от двухэтажного дома, банды кетчеров и Юны Гало.

* * *

Длинный извилистый холм отделял свалку от большого пустыря. Я притаился на вершине, разглядывая происходящее внизу. Там сновали светящиеся создания, похожие на толстых червей этак с метр длиной. Кажется, у них были ножки. Твари двигались вокруг большого черного пятна, некоторые исчезали в нем, другие выползали наружу, возникая на его неровных границах...

Наверное, это холмовеяник. А светящиеся существа вокруг – ползуны. Сталкиваться с ними совсем не хотелось: даже на таком расстоянии, даже в темноте, лишь слабо разбавленной светом луны, они казались мерзкими и опасными.

Последнее вскоре подтвердилось: справа донеслись подвывание, хрип, я перевел туда взгляд – большой отряд ползунов тащил к холмовеянику кого-то живого. С первого взгляда я принял его за человека, но потом стало ясно, что это мутант вроде того, который валялся на мосту. Ползуны волокли его, окружив плотным светящимся кольцом. Не знаю, чем они удерживали тварь – вроде у них не было рук или лап, но мутант дергался и хрипел, а убежать не мог.

Он взвыл, когда ползуны подволокли его к холмовеянику. Твари исчезли, втянувшись внутрь через невидимую в темноте прореху. В последний раз донесся придушенный стон их жертвы, и все смолкло.

Я попятился, сползая со склона. Оставаться здесь было нельзя – кетчеры близко, – но идти мимо холмовеяника слишком опасно, надо обогнуть его по широкой дуге. Что мне сейчас нужно? Оказаться как можно дальше от Серой Гари. Выжить в этом незнакомом и явно опасном мире. Попытаться понять, что здесь к чему – и найти выход отсюда.

Ощущение нереальности происходящего все еще не оставляло меня, иногда накатывало чувство, будто все это лишь большая виртуальная локация. Хотя рука ныла очень натурально, меня даже подташнивало от боли. Потрогал лоб – горячий. Очень реалистично для виртуала. Сейчас бы перевязать ладонь чистым бинтом, залив предварительно перекисью, выпить двести граммов перцовки,

лечь под теплое одеяло и проспать до утра...

Над обиталищем ползунов мерцал блеклый свет. Решив, что они остались достаточно далеко в стороне, я перебрался через мусорный холм и побежал по пустырю, стараясь не наступать на битый кирпич, огибая торчащие из земли железяки. Иногда под ногами хлюпала грязь, потом стали попадаться автомобильные покрышки и остовы машин.

На краю пустыря я остановился, услышав шорох впереди.

Там росла небольшая роща, и между деревьями кто-то стоял. Я остановился, сжимая нож. Луна как раз вышла из-за облака, и свет ее блеснул на чешуйчатой спине.

Это был ящер размером с новорожденного теленка, с толстым хвостом и плоской башкой на длинной шее. Нагнувшись к земле, он громко чавкал, пожирая что-то, лежащее между деревьями.

Не подобная ли тварь бросилась за стаей гибридов у казармы? А следы, которые мы видели позже возле рощи?.. Как же тогда сказала Юна Гало... Да – манис. Может, эти манисы предпочитают жить в местах, где растут деревья, в таких вот рощицах? Интересно, чем они питаются?

Пока что он не видел меня. Надо обогнуть рощу и идти дальше, чтобы к утру оставить как можно большее расстояние между собой и свалкой.

Шагнув в сторону, я наступил на сухую ветку. Она треснула, и манис поднял голову.

Инструктор в Казахстане рассказывал нам, что у ящеров и подобных им существ иначе устроены мышцы, поэтому они способны на мгновенный всплеск энергии, очень быстрый рывок – это и произошло сейчас. Он понесся на меня, будто снаряд из пушки. Я вырвал плетень из-под завязанной на поясице рубахи Сипа и ударил что было сил в тот миг, когда манис был уже прямо передо мной. В свете луны мелькнули раскрытая пасть с раздвоенным языком, кривые короткие ноги, бешено топчущие землю, – и все четыре грузила врезались ящеру в голову.

Пронзительно шипя, ослепленный ударом манис сшиб меня с ног. Плеть вырвало из руки, нога твари гулко стукнула в землю возле моего уха, лицо засыпало землей, и он умчался прочь. Отплевываясь, я перевернулся и встал на четвереньки. Ящер неся к свалке, извивался длинный хвост, лязгали цепи – грузила все еще сидели в его башке.

От боли в руке я едва понимал, что происходит. Встал и побрел к роще, держась за грудь, в которую ящер врезался плоской башкой. Сердце бешено колотилось, ныли ребра, ночной мир качался и плыл вокруг. Вспомнив, что оставил позади нож, я вернулся, подобрал его, едва не упав при этом, и опять побрел к роще.

Когда сзади донесся приглушенный гул, я оглянулся. Далеко-далеко над мусорными холмами свалки мерцал свет. Яркий луч взметнулся к небу, мигнул и погас. Донесся приглушенный взрыв, потом выстрелы. Некоторое время я пытался понять – это одиночные звучат так часто или там стреляют из автомата?.. Нет, слишком длинная очередь, получается, работает пулемет... У кетчеров такого оружия вроде не было. Может, это монахи? Напали на Серую Гарь, а бандиты отбиваются?

Если так – хорошо. Теперь им будет не до меня, ни тем, ни другим, даже если монахи каким-то образом узнали про наемника, который помог Юне Гало на дороге.

Вскоре я остановился под деревом с раздвоенным толстым стволом. Оно напоминало дуб, хотя ветви его были закручены спиральями. Тоже, наверное, мутант. Дерево-мутант. Все в этом мире не такое, как надо. Куда я, в конце концов, попал, мутафага вам всем в задницу?!

Покряхтывая от боли в ладони, я полез на дерево. Первая развилка находилась слишком близко к земле, но выше один из стволов снова раздваивался. Грудь уже почти не болела, но дрожали руки, я плохо видел – глаза застилала пелена. Только бы долезть и успеть привязаться...

Я успел, но едва-едва. Усевшись в пологой развилке между стволами, вонзил в дерево нож, стащил с поясицы рубаху Сипа, обернул вокруг ствола и стянул узлом на своем боку. Завязал второй узел, третий. Хотел вытащить нож и воткнуть повыше, чтобы не порезаться, когда окончательно вырублюсь, но не смог. Откинулся назад, привалившись плечом к стволу, – и после этого потерял

сознание.

Глава 8

Рокотал двигатель. Совсем рядом бахнул выстрел. За ним второй.

Я понял, что сижу, наклонившись вперед и едва не выскользывая из развилки, и от падения меня удерживает лишь натянувшаяся рубаха. Голова склонилась на грудь, руки свисали между колен. Левая по-прежнему болела. Было прохладно. Едва рассвело – серенький, какой-то жиденький свет проникал под веки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bobl_aleksey/parol-vechnost

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)